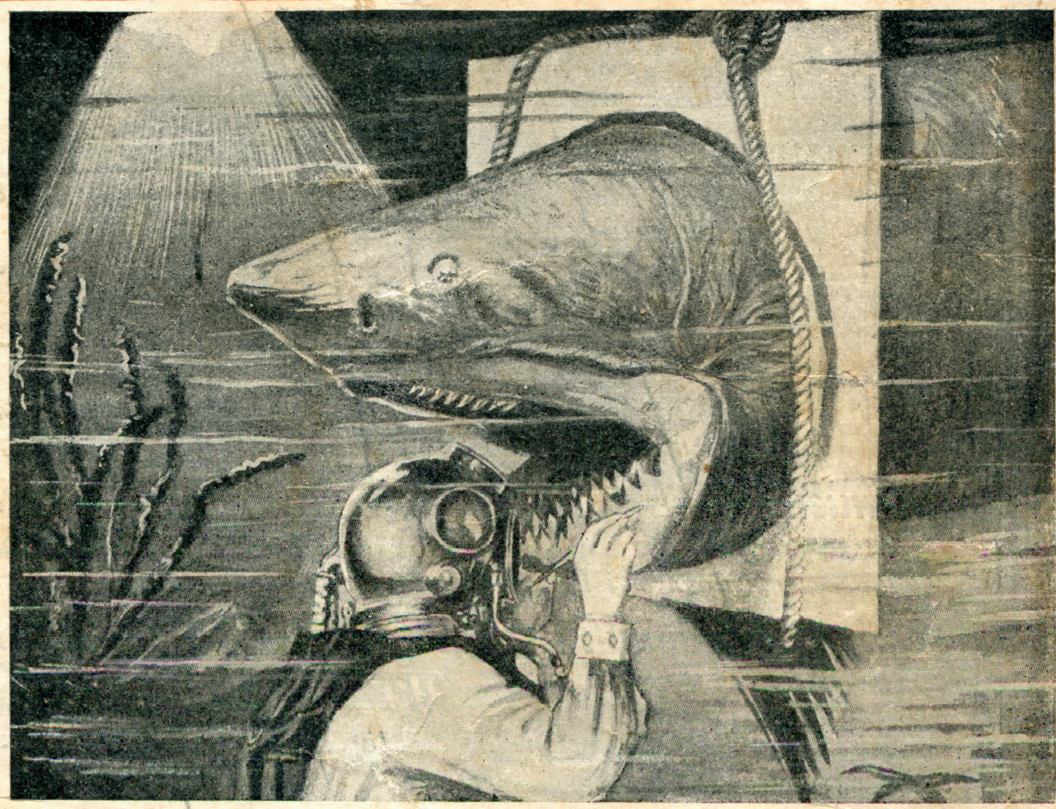

Вокруг Света

**О ПРИЛОЖЕНИЯХ
К ЖУРНАЛУ**

„Вокруг Света“

Желая возможно больше заполнить досуг своего читателя, занять его свободное время, наш журнал решил дать своим подписчикам до 100 листов богато иллюстрированных приложений за очень скромную доплату (3 руб.), которую можно еще и рассрочить.

Все эти приложения тесно связаны с программой журнала и рассчитаны на то, чтобы возможно шире удовлетворить интересы нашего читателя к путешествиям, спорту и приключениям.

Все приложения будут даны на хорошей бумаге, богато иллюстрированы и в цветных обложках.

ПРИЛОЖЕНИЯ на 1927 год.

6 книг: „ПО СУШЕ, МОРЮ И ВОЗДУХУ“.

(Содержание этих книжек — ряд увлекательных путешествий и всевозможных приключений во всех уголках мира).

2 книги: А. Конан-Дойль „СТРАНА ТУМАНОВ“.

(Новое захватывающее путешествие в загадочную страну. Если уже один текст романа сам по себе настолько интересен, что читатель не может от него оторваться, то прекрасные иллюстрации еще более усиливают и без того сильное впечатление от нового произведения известного английского писателя).

2 книги: Т. Бриджес „КНИГА ОТКРЫТИЙ“.

(Жизне и увлекательное повествование о том, как человек постепенно „открывал“ всю землю с самых седых времен до настоящего времени).

4 книги: Марк Твен „ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА“. „ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФИННА“.

(Эти блестящие произведения американского писателя даются в новых переводах и с совершенно новыми иллюстрациями).

1 книга: „ПОБЕГИ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ“.

К 10-летию Октябрьской революции.

(Богато иллюстрированный сборник, который расскажет читателю о том, какими разнообразными путями удавалось революционерам разных стран бежать из ссылки или из русской, немецкой, французской и т. д. тюрьмы).

1 книга: „СОВРЕМЕННАЯ АНГЛИЯ“.

(Альбом художественно исполненных картин и видов, иллюстрирующих жизнь Англии в наши дни).

1 книга: „ВЕЛОСИПЕД“. Устройство, езда, уход.

(Настольная книга для всякого начинающего и даже старого уже велосипедиста. Описаны все последние модели и все последние усовершенствования. Даны и чисто спортивные сведения).

ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ,
ОТКРЫТИЙ,
ИЗОБРЕТЕНИЙ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:
Лер. Фонтанка, 57.
„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.
Тлф. 175-38.

Вокруг Света

№ 1

1927 г.
ФЕВРАЛЬ
15

ГОД ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ

Содержание: „Будущая война“. — В. Тан. „Живая сказка“. — В. Моукенд. „Корабль в болоте“. —
** Шесть испытаний ваших способностей. — М. Зуев. „Конец Мавропулло“. Ч. Бутс „Печать
пустыни“. — А. Черновский „Из революционного прошлого“. — ** „В мире животных“. — Вл. Д. „Хино-
триуки“. — Л. Д. „Город будущего“. — ** „Американские спиртовозы-контрабандисты“ и т. д.

БУДУЩАЯ ВОЙНА

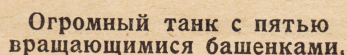
„Механическая пехота“
готовится к атаке.

Этот рисунок не фантазия, а подлинное изображение того, что в октябре месяце этого года, английское правительство показало на маневрах в честь министров своих доминионов, т.-е. самоуправляющихся колоний.

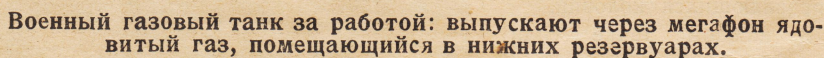
В каждом танке сидит только один человек, который и управляет всесторонне этой военной машиной, в высшей степени подвижной и одинаково приспособленной к нападению и защите: каждый из этих маленьких танков снабжен бензиновым двигателем в 16 лошадиных сил; при массовом производстве стоимость этой новой боевой колесницы будет около 4000 руб. Весит такой танк около 150 пудов и ходит с помощью двух «гусениц»; он может воспользоваться для быстрой езды по дорогам и своими добавочными колесами. Находящийся в танке солдат по своему усмотрению поднимает свое сиденье или опускает его, чтобы обезопасить себя от вражеских пуль во время боя.

■■■■■■■

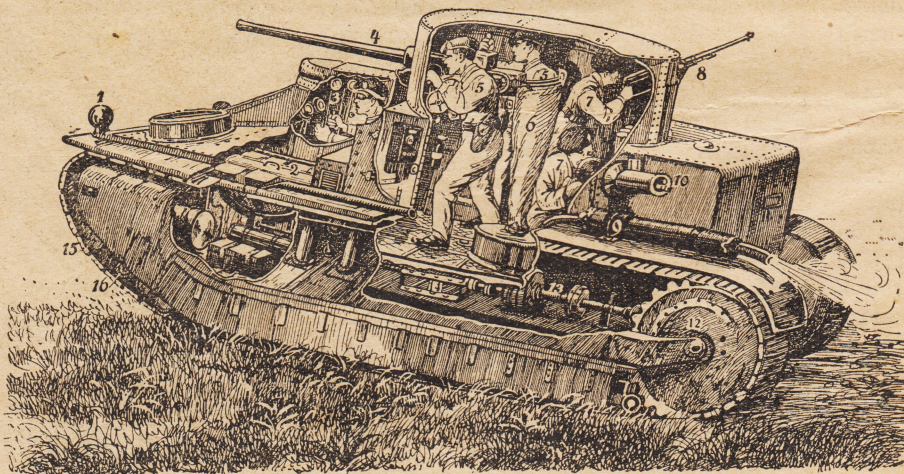

Танки рассчитаны на одного, на двух или же на нескольких бойцов, которые помещаются тогда в огромный танке; одни им управляют, другие расправляются с врагом. И само собой разумеется, что если уже маленький танк не останавливается ни колючей проволокой, ни канавой, то большой танк, этот самодвижущийся форт, легко преодолет и куда более мощные препятствия на своем разрушительном пути.

ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО ТАНКА

мена скоростей. Движущими органами танка являются гусеницы 15, которые на особых роликах 16 связаны с ведущим колесом 12. На первый взгляд, такое ползущее сооружение может двигаться только очень медленно. В действительности же, эта громоздкая повозка, 6 метров в длину и 3 метра в ширину, способна развивать скорость до 32 километр в час.

ЖИВАЯ СКАЗКА

(Чукча Тевлянто на рабфаке).

Очерк В. Тана.

Вот он сидит передо мною в просторной школьной комнате, в доме рабфака Восточных и Северных племен, который мы воздвигли в Детском Селе сразу, как по шучьему велению.

Много труда вложили сюда Московский Северный комитет и Ленинградское филиальное отделение Северного комитета (в сокращении ЛФО) и Ленинградский Институт Живых Восточных языков (в сокращении ЛИЖВЯ). Соединенными усилиями создано это прекрасное новое дело, пожалуй, еще небывалое в мире. Тут все туземные народы нашего великого Союза, восточные и северные. Из восточных — калмыки и уйгуры, киргизы и различные татары, Сибирские, Кавказские и Крымские и всякие иные турки, зарубежные монголы и Тану-Тувинцы. Это последнее племя, можно сказать, трехэтажное. Бывшие палеоазиаты, потом отуреченные, а ныне омонголенные, и их называют еще урянхайцами. И весь Урянхайский край какой то промежуточный между Монголией и СССР.

А из северных народов здесь самоеды и остяки, и гольды, и гиляки, и кето, и чукчи и всяких мастей тунгусы, от Байкала и Нижней Тунгуски до самого Сахалина.

Чукотский и тунгусский рабфак в бывшем Царском Селе, пред бывшими дворцами учебный дворец для па-сынков прежней культуры, для самых обездоленных из всех обитателей бывшего Русского царства, — ведь это советская сказка.

И сам Тевлянто тоже живая сказка. Не нужно никакой беллетристики, стоит лишь рассказать его жизнь. На нем чистенький френч и белая рубаша, но лицо у него бронзовое, с твердою линиею рта и наиз-ными глазами. Много таких лиц я видывал когда-то, четверть века назад на Чукотском носу у Берингова пролива. И вместо опрятного френча мне чудится на плечах у Тевлянто плотная «кукашка» из двойного ко-ричневого меха, щетки на ногах, с мохнатою, жест-кой подошвой, и на голове шлык из волчьей морды, и в каждом волчьем ухе по алой бусинке.

Тевлянто приехал на рабфак из Анадыря, за 10.000 верст. Это очень далеко и пока он не кончит ученья, ему не вернуться домой. На лето пошлем его куда-нибудь поближе, например, в Туруханск, к само-едам. Хорошее «поближе»!..

Ленинград и Анадырь — это два разные мира. «Тот свет» и «этот свет». До Анадыря так далеко, что даже подумать трудно, — самая мысль не перелетает туда сразу. Но все же я там был в свое время и оставил там знакомых и приятелей. Спрашиваю у Тевлянто о целых родах, — как поживают Собольковы и Алины и старый Ремкилен и Нокон, что жил «у Утесиков» и почти постоянно слышу неизменный ответ: «умерли»... «умерли»... Анадырские старики не долго живут — до первой эпидемии. Какая-нибудь детская корь приходит на Анадырь, как грозная зараза, вроде оспы, и уносит до трети населения. Простодушные туземцы утвер-ждают, что заразу приносят особые русские черти,

прилетающие с запада, с вечерней стороны. Русские, вечер, зараза, темнота — для них это одно и то же.

Разговариваем мы с Тевлянто по-чукотски, — по-русски он не говорит. Тевлянто рад этому и хватается за меня, как за якорь спасения. Я читаю Тевлянто из моей книги сказку за сказкой и он приходит в неопи-

Олений чукча.

суемое волнение и бьет кулаком по столу и восклицает: «Како мей!» — «Вот так диво!»

И вдруг глаза его загораются упреком и он начи-нает кричать: «Ты бы хоть меня научил по вашему, по русски. Мы вот тебя научили, а ты нас не хочешь учить!.. Что я такое средь всех этих русских мальчи-шек, — словно зверь безъязыкий, словно дикий олень!.. Каждый, кто хочет может меня подстрелить словесно-крылатой стрелою, а я не сумею ответить... Дай мне эту книгу!..»

— «Зачем тебе, Тевлянто?»

«Я положу ее под подушку, и, может быть, во сне ее вещее знание пройдет в мою твердую голову».

С этими приезжими мальчишками с далекого севера бывают у меня разговоры поистине странные: — приехал, например, из Колымска, того самого Колымска, где я пробыл в ссылке десяток лет, юный юкагир и прямо ко мне. Я туда ехал два года. Сидел по дороге в трех тюрьмах, по Каме и по Оби плыл на невольничьих баржах, а от Томска до Иркутска шел по Владимирке пешком вместе с кандалными бродягами, убийцами и всякой шпальной. Это продолжалось три месяца без дня, восемьдесят девять дней. Из Иркутска в Якутск мы поскакали

в поселке Абый, попал в плен к белым. Были это последние остатки последних пепеляевцев, с тех пор их давно ликвидировали и следа не осталось, а тогда они сами ликвидировали проезжих и прохожих. Мой юный юкагир попал к пепеляевцам в плен, потом убежал и добрался до Якутска, и так по-немногу, продвигаясь вперед, приехал на рабфак. И прямо ко мне:

— Здравствуйте, дедушка Богораз!

— Здравствуй, мол, внучек! А как твое имя?

И он называет знакомое имя. Дед его был переводчиком у моего старого соратника В. И. Иохельсона. Но юный юкагир вместо Иохельсона ластится ко мне самому:

— «А я вас, дедушка, знаю преотлично! Все мы вас знаем и помним».

— «Спасибо, родной. А сколько лет тебе, внучек?»

— «Лет двадцать».

А я уехал из Колымска в 1898 г., стало быть двадцать восемь лет тому назад. Этого бойкого мальчика в то время не было даже в проекте. Но, в сущности, он прав, мой новоявленный знакомец. Ибо я знал всех его отцов и дедов и мы, политические, жили с населением дружно. И до сих пор в Колымске живут анекдоты и легенды из жизни политических ссыльных и ученых работников, начиная с Иохельсона и кончая Циперовичем.

Пора, однако, вернуться к чукотскому Тевлянто. Он приехал сам друг с товарищем Парфентьевым. Парфентьев по бумагам пишется: «юкагир», но говорит исключительно по-русски. Юкагирский язык на Андыре умер, по меньшей мере, лет за сто. Туземцы совсем обрусели, переняли у русских казаков хороводные песни и даже богатырские былины. Выпевают на холодном Анадыре про Владимира Красное Солнышко, про Добрыню и Марину Чернокнижницу, про княжескую гридню и кирпичатый пол и косящато окно. А что такое гридня, никто не объяснит. Но казаки давно позабыли эти песни, а они помнят. И язык у них торжественный, старинный. Собак, например, привязывают не к палкам, а к «жезлам», и всякий беспорядок называют «разнобаярщиной». — Меткое словечко.

И на свадьбе они подают, как центральное блюдо, целого жареного лебедя. И кликают друг друга в хороводе:

«Бояре, вы зачем пришли?»

«Княгини, мы пришли невест смотреть!»

Эти обруселые туземцы раньше считались за русских, но теперь с появлением настоящих русских с юга, чиновников, переселенцев, цена обруселым понизилась. Их называют попросту: анадырский народ. И сами себя они называют по рекам. Анадырщики, Колымчане, Индигирщики:

«Буйны ветры повевали,

«Индигирщики приезжали.

«Звон, звон. Знайте люди, звон.

«Индигирщики приезжали».

От этого странного русско-юкагирского корня происходит Парфентьев. Он тоже привез мне поклон от собственной бабки, — при том не живой, а покойной. У этой бабки остался, видите, котел от нашей Джезуповской экспедиции, и она этот котел прозвала коротко и прямо: «Богоразом».

Анадырщик.

на тройках с жандармами в лютый мороз. Одеты мы были совсем по-городскому. Никогда в жизни, ни до этого, ни после этого, я так не мерз. Приедешь на этап, как живая сосулька и замершими руками прямо в огонь.

Из Якутска в Колымск поехали сперва на лошадях, потом на оленях, потом на собаках, одним словом, хватили шилом патоки... А юный юкагир все ту же дорогу проделал в обратном направлении и тоже мотался довольно, года полтора. На реке Индигирке,

— «Повесьте богораза на крюк».

Какое разнообразие, — то «дедушка Богораз», то «котел богораз».

Без Парфентьева Тевлянто не соглашался ехать. «Что я буду там делать один. Слова сказать не с кем».

Юкагир Парфентьев по-юкагирски не знает, а чукотски говорит, как многие анадырщики, хотя и на выворот.

Впрочем, Парфентьев, быть может имеет и чукотское родство. Как в песенке поется:

Моя бабушка русаночка,
А другая-то чукчаночка.
Я, чукчаночка, гостить к тебе иду,
В поводу тебе оленчика веду,
А за пазухой мяска тебе несу,
Во штанине чернобурую лису.

Пушнину, действительно, запихивают внутрь, прямо на голое тело. Она и греет и лучше сохраняется, — даже приобретает новый блеск от чукотской внутренней лайки. Дорогая пушнина, как жемчуг: оживает и поправляется на живом человеческом теле.

Неграмотный Тевлянто привез с собою с Анадыря любопытную бумагу, по существу весьма трогательную.

Привожу ее полностью:

«Податель этого письма, чукча Тевлянто из Анадыря, командирован для получения образования в школах Советской России, чтобы, вернувшись по прошествии нескольких лет к себе на родину, поделиться полученными знаниями со своими соотечественниками.

«Вся его жизнь прошла на неприветливой тундре в такой своеобразной обстановке, какая присуща лишь полярному северу. Страна, куда он едет, совсем не похожа на Анадырь. Нужно опасаться, что ему придется не раз нести большие лишения и зачастую, по незнанию русского языка и обычаев, попадать в безвыходное положение. Кроме того, не мало неприятностей может получиться для него из-за особенностей его душевного склада, как, например, своеобразной самолюбия, чрезмерной впечатлительности и прочее.

«Те, кому доведется прочесть это письмо, к вам глубокая просьба: окажите Тевлянто возможное содействие, когда он будет обращаться к вам в нужде. Он вполне заслуживает этого, ибо, несмотря на совершенную неграмотность, является одним из наиболее одаренных по своему умственному развитию и любознательности молодых чукчей Анадырского района. В Тевлянто таится масса возможностей, которые усилиями русской школы безусловно привлекутся на поверхность и будут служить его одноплеменникам.

«Своими заботами о судьбе этого гражданина вы можете сделать первые шаги в деле просвещения кочующих туземцев нашего крайнего северо-востока, не имеющих к кануну десятой Октябрьской годовщины ни одного грамотного человека.

«Интересуясь и заботясь о судьбе т. Тевлянто, просим всех лиц, к кому он обратится с настоящим

письмом, распросить его о нужде и о желаниях и телеграфировать при надобности по адресу: Анадырь, указывая, куда отвечать и кому».

Следуют три подписи.

Такова эта замечательная хартия, первое начало «ликнеграма» кочующих туземцев Анадыря.

«Неприветливая тундра полярного севера», — как сказано в бумаге... Она всплывает предо мною воочию, вьвявь, как живая. Белый, безбрежный покров скрипучего снега, мягкого в ложбинах, как перина, а на косогорах спрессованного ветром до плотности мрамора; на реках и озерах лед толщиной в печатную сажень; жестокий мороз, — плюнешь на землю — плевком замерзает на лету и вонзается в землю сосулькой. Скользящие звери, человеческие жительства на день езды одно от другого. Капканом и пулей, копьем и стрелой должен человек добывать этих зверей, почти неуловимых, — вылавливать хитростью и силой свою ежедневную пищу из холода и мрака. Не добудешь — умрешь.

И я готов задать моему молодому Тевлянто насущный вопрос, какой задавали в «сказке про воскресшего Рынтеу» загробные духи-убийцы плененному мальчику:

«Маленькая душка, скажи, что ты убивала на том свете (т.-е. на земле)? Чем ты кормилась, какое добывала ты мясо и шкуры на одежду?»

И Тевлянто, подхватив мой вопрос, отвечает на лету, как Рынтеу:

«Единственно белых песцов убивал я на тундре».

И Парфентьев вмешивается тоже: «Я добыл на веку песцов побольше семидесяти».

«На веку!» Подумаешь, какой старый.

Но Тевлянто нетерпеливо отмахивает-

ся от товарища: «Посмотри на мои руки».

На обеих кистях, у запястья глубокие шрамы, как будто пулевые, но это не раны от пуль, это злые укусы полярного мороза. Еще один северный фронт жестокого мороза и неприветливой природы.

И он торопливо начинает рассказ: «Я, как ты знаешь, из бедных — оленей у нас нет. Бедному надо умудриться. В позапрошлом году, в пол-зимы я выехал с собаками на Телькепскую тундру за песцами. Было у меня пять капканов. Ого! Настоящих, стальных, от бородатых мореходов (американцы). Корму для собак прихватил. Вырыл себе нору в снегу, поставил капканы на тропах, посиживаю, жду. Прячусь в снегу, как песок. Тут поднялась жестокая выюга, ослепление. Залепляет глаза. Что делать, надо бежать. Замерзнешь, пропадешь. Пошел наобум за собаками, как будто в ночной темноте. Три дня, три ночи, все шел. День или ночь не разберешь. Пятерка собак передохла. — Он поднимает по счетной чукотской привычке правую руку и растопыривает пальцы — вот, мол, считайте: пятерка, — а другую пятерку я притащил на сани. Плачу, а тащу. Руки обморозил, лицо, — тащу. Дотащил до жилья — ожили, спаслись».

Собачье спасение занимает его больше, чем собственное.

Собачьи упряжки.

«Ел ли чего по дороге?»

«Ум затмился, не только не ел — не курил. Был, ведь, в кисете табак — не курил!..»

Мы оба понимаем, что курево для северного жителя важнее, чем еда. Трубка или жвачка прогоняет усталость и в глазах от нее светлеет. На севере курят решительно все, даже маленькие дети.

«Ты знаешь, я из бедных», повторяет задумчиво Тевлянто.

Мне представляется приморская столица Анадырского края, Мариинск, а по-чукотски Вен. И за русскими домами, поодаль, кучка землянок, сложенных из дерна, где прячутся нищие чукчи — «оседлые чукчи», «недвижные», так как им некуда идти. На тундре кругом кочуют оленщики, богатые стадами. У них сами русские заискивают. Мясо от них, шкуры на одежду от них, пушнина от них. Они заявляют с такой гордостью: «Наша еда кругом нас на ногах ходит. Покамест спим — наша еда растет». Спят, впрочем, они не много. При стаде не поспишь... Но сироты, бессильные люди и семьи жмутся к реке, к русским рыболовным заимкам. Река кормит без выбора всех, и бедных и богатых. Рыбка святая, горбуша, кета, «людская ожива», как называют ее на севере.

«Чем жил ты на Анадыре, Тевлянто?»

«Рыбку поедал, как выдра», — отвечает он полунасмешливо.

«С берега сухого ловил, как ловит горностай».

Горностай, действительно, рыбу любит, а мокнуть не любит, и старается хватать ее с берега, с камушка, как фокусник. Схватит порою за хвост, а вытащить не может. И так они качаются на камушке, как новая игрушка, живая Ванька-Встанька. Однако, для людей ловить рыбу с сухого берега — мокрая работа, — мокрая от пролитого пота. Так ловят те, у кого нет ни лодки, ни даже челнока. Кета, входя в реку для нереста (метания икры), идет руном вдоль берега. «Сухой» рыболов вытаскивает сеть на шесте на преглубокое место. Шест длинный, саженей на пять, при том составной, связанный из трех или четырех суставов. Трудное дело вытаскивать сеть. Но пока выдвигашь ее, уже попадет рыба пять или шесть, — нередко до десяти, — значит, пуда полтора. Надо вытащить сеть обратно на берег, вытряхнуть рыбу и снова толкать. Толкать, тащить, тащить, толкать. В сутки, пожалуй, добудешь пудов тридцать, — благо, солнце не заходит и рыба не проходит, — а потом упадешь и заснешь, как убитый, на мокром песке.

«Я в сущности оленный человек, — заявляет не без гордости Тевлянто, — у отца моего значительное стадо. Я арканом кидаю, оленя догоняю на бегу. На пешем бегу всех обгоняю соперников. Ставка (призовая) — моя. Бороться — так всех перебросаю».

Он впал в неожиданный азарт: — «Зови их, попробуем, кто лучше». «Их» — относилось к товарищам студентам.

«У меня голова, как котел, а жилы на руках, как пружины».

«У отца моего много оленей. Но когда умерла мама, он взял злую мачеху, грызла меня, как лисица, фыркала, как рысь. Я к дедушке ушел на Белую реку».

«Но ведь это от Вена далеко», — припоминаю я.

«А я и от дедушки ушел. У него ртов много, а есть нечего. Жил с русскими на Мариинском. Помогал им работать, кормился».

Это все та же привычная фигура полярного студента, — бывший туземный батрак, прижившийся у русских. Только такие уже пробудились для учения, а также для вражды к предпринимателям. Они не по-

боятся ехать не только что в Ленинград, а к самому чорту на рога. Хуже не будет.

Чукчи, впрочем, отнюдь не из боязливых. И мне вспоминается первая запись о чукчах XVIII века, вторая латинская фраза:

Tiukchi natio ferocissima. Qui capti e invicem interficiunt.

«Чукчи свирепая нация. Взятые русскими в плен, непобежденные, сами себя убивают».

Так оно, действительно, и было. Чукча и до сих пор жизнью не очень дорожит. Если рассердится чукча, пожалуй, обидчика убьет, а не то и самого себя.

На память приходит жуткая фраза из «хартии Тевлянто» о его самолюбии и чрезмерной чувствительности и связанных с этим несчастьях. И я спрашиваю его по невольной связи идей: «А что, убиваются у вас старики, как убивались прежде?»

Еще двадцать лет тому назад дряхлые старики и больные, наскучив жизнью, требовали прямо, чтобы родные их убили. Родные порою уклонялись, но это было опасно для семьи, ибо такое убийство старика рассматривалось, как жертвоприношение, и духи, лишенные добычи, злились и мстили семье. Нередко родные, не желая кровянить своих рук, нанимали чужака и даже чужеземца. Мой собственный казак, ординарец и неизменный спутник, покойный Илюшка Киренский, нанялся для такого убийства у семьи Чепляка. Старый Чепляк потребовал смерти по торжественной формуле: «будем биться». Такое заявление требует смертной битвы, т.-е. убийства.

Есть и другое заявление, более прямое: «Если я стал для тебя дичью», — (так значит — убей меня). — От такого предложения тоже нельзя уклоняться.

Илюшка Киренский был в то время выпивши. Был он верзила, силач, ухорез, горький пьяница. А как выпьет, так ему и море по колено. Он слова не сказал, согласился, и плату выговорил пустяковую, — связку моржового ремня. А условились «отправить» копьем, т.-е. заколоть. Отправляют еще и удавкой, но это неприятнее.

На утро Илья протрезвился и ему стало жутко. Все же человек не жук, а копье не булавка. Так легко не проткнешь. Илья не решился отступить, но в последнюю минуту он отвел копье от груди старика и сам рассвирепел, на себя и на других. И чукотских духов-убийц обложил по казацкому «матом». Чепляк все-таки бросился грудью вперед и сам накололся на копье.

Духи, однако, этого Илье не забыли и отомстили ему полною мерою, вселились в его собственную душу. Года через три он сам закололся на Дежневом мысу и таким же копьем.

«А что, убиваются у вас старики, Тевлянто, скажи?»

Тевлянто неожиданно смеется.

«Да, убиваются, как же!.. Был у нас сосед, жадый такой старичишка, по прозвищу Широкая Ложка. Он побранился с детьми и крикнул: «давайте биться!». Может и не думал, да сказало, назад не пойдешь. Стали готовить обряд. Отец заколол ему оленя на последнюю еду. Новые санки поставили, белую шкуру постлали. Все, как следует, чтоб ехать на тот свет с весельем. Он лучшее мясо поел и завалился спать. Утром мы ждали, а он не идет, — передумал, лживая собака».

Так, старые трагедии переходят в новый фарс. И вдруг я заметил: Тевлянто о духах говорит без должного почтения.

«Да, что ты, крещеный, Тевлянто?»

«Шаманов я не знаю и знать не хочу», — ответил он с презрением.

Чукотский язык беспристрастно называет одинаковым именем попов и шаманов, икону называет амулетом или идолом, а церковь — шаманским домом. И в сущности трудно разобрать, о каких именно шаманах Тевлянто говорит так презрительно: о своих или о русских.

«А ладанка есть у тебя?» Ладанка по-чукотски тайныкут, в точном переводе — «защитник от беды». Это крошечная деревянная фигурка, зашитая в мешечек. Носят ее на груди, она предохраняет человека от всяческих напастей. Деревянный защитник или бронзовый крестик — чукче все равно. Их носят зачастую вместе.

Но Тевлянто сурово качает головой: «Почему он защитник? Я большой, он маленький. Может ли малое защитить большое?..»

Это богоборчество — от здравого смысла. Вот до чего дожили. Чукчи на Анадыре ведут агитацию антишаманскую и антипоповскую.

Время подходит к обеду. Студенты становятся в хвост. Обед проходит в две смены. Мы продвигаемся с Тевлянто вперед. Нам надо заниматься и нам дадут не в очередь. Я тоже с утра не ел и теперь охотно пообедаю со своим юными друзьями. Приносят суп с мясом и картошкой, свиную котлету с гарниром, — капуста и морковь. Хлеба сколько хочешь. Обед первый сорт.

Тевлянто ест с аппетитом. Даже за ушами трещит. И ходят желваки его крепких челюстей. Но он качает головой все с той же улыбкой, полунасмешливой, полуупрекающей.

«Пучит меня от этого черного хлеба», — говорит он по секрету.

Новая трудность на рабфаке. Полярные студенты питались на родине мясом или рыбой, хотя бы протухлой, а здесь переходят на овощи и хлеб. И их попросту пучит.

«Мяса то — маленько, вот столько, — Тевлянто отмеривает на ладони для пущей наглядности. По нашей городской мерке этого довольно — предовольно. Но чувства его к мясу полуволчьи.

И он начинает рассказывать со смехом. «В первое время наестся не мог. Да и что за еда. Коренья, да листья, да трава. Напихивайся хлебом... А теперь я привык... Домой вернусь — придется от хлеба отвыкать, а к мясу опять привыкать. Такое колебание».

Так было и со мною самым лет сорок назад, но только навыворот. Приехал в Колымск, и без хлеба и наестся не могу, рыбы горы — а сам голодный. А лет через десять в России пришлось привыкнуть опять к картофелю и хлебу, но я до сих пор сохранил это полуволчье стремление к мясному куску.

Яркие глаза Тевлянто обжигают меня. И я как-то невольно и даже неожиданно спрашиваю: «А девушек любишь, Тевлянто?»

«Ого-го!» — он ржет от радости, как конь, — «еще бы не любить, да где же их взять на чужой стороне».

Он изрекает чукотскую пословицу, по смыслу подходящую к нашей: «на чужой стороне и старушка божий дар».

«А дома?»

И вдруг оказывается, что этот двадцатилетний мальчик был женат и даже развелся с женой. У чукчей развод — легчайшее дело. Легче гораздо, чем у нас. Только алиментов не платит никто. Это за детей, да платить! Дети это лучшее сокровище, благословение

судьбы. Страшно в пустыне без людей. А вырастет, — будет добытчик.

Дальше оказывается, что и у русских проживая, Тевлянто не дремал. И в Мариинске у него осталась, будем говорить, невеста. Слово это означает только то, что она не переехала жить к нему в дом. Да и куда переехать? Разве в ту снежную нору, что он себе вырыл на тундре?..

«А какие девушки лучше? Ваши или наши?»

И он отвечает рассудительно и кратко: «Все лучше».

Учится Тевлянто усердно и довольно успешно. Я стал смотреть его школьную тетрадку. «А ну-ка, Тевлянто, читай!»

И он прочитал растянуто, по буквам: — «Н-а-ш-а к-о-ш-к-а» и выпалил: «кошка!».

«А что это, кошка?»

И он переводит по чукотски: «беличья лисичка». Кошек на Анадыре никогда не видали и он определяет незнакомого зверя знакомыми словами.

Северные студенты учатся настойчиво и даже свирепо и иные к весне от натуги чернеют и худеют. Были такие, что в прошлом году успели перескочить с подготовительного отделения прямо во второе. И Тевлянто не терпится тоже: научиться по-русски скорей! Он не доволен своими успехами.

«У, твердая голова», ворчит он сам на себя и стучит себе пальцем по крепкому лбу.

«Кто надумил тебя ехать учиться, Тевлянто, скажи?»

«Есть такой человек на Анадыре, начальник молодой», — и Парфентьев подсказывает: «Партийный», — «Хороший человек для туземцев, сам куска не доест, разделит пополам, он стал уговаривать: «Езжай».

«А чукчи не отговаривали?»

«Ого, зачем? Чукчи меня уговаривали ехать, посылали меня; — «поезжай, посмотри, что это за русская страна, приедешь — расскажешь».

«А ты не останешься у нас?»

Лицо его искривляется гримасой отвращения и страха.

«Если бы остался, я бы умер. Ваши города, как лавушки, дома, как капканы. Я зверь полевой!.. Не удержите, нет! Я уеду!..»

И после этого звериного выкрика он начинает неожиданно вести агитацию советского стиля на чистейшем чукотском языке.

«Я научусь и уеду. Отчего все вы ученые, а мы не ученые? Так больше не будет. Начальники, торговцы, купцы, писаря, деньгосчеты, — пересчитывает он. — Все из России, чужие».

Тевлянто не хочет различать кооператоров от частных и совсем не согласен выделить особо «краскупцов» и краспецов: — «Чужие, не наши».

«Но мы всему выучимся, считать и торговать, и сами управимся. *Мурык оча!*»

Мурык оча! Это чукотский перевод девиза туземной автономии: «власть на местах».

Конечно, чукотская власть на местах только над звериными шкурами, чтоб не очень облимитивали, не обсчитывали торговыми *лимитами*, или еще точнее, власть над собственной шкурой, чтоб не очень ее драли.

А все-таки власть на местах, советская власть на местах.

Мурык оча! Этим новейшим девизом кончается наша чукотская дикая сказка.

ТАН.

КОРАБЛЬ В БОЛОТЕ.

Рассказ
В. ТУНЕНДА.

Приближался день и жара становилась все нестерпимее. Белый пар поднимался с болота. Густая листва мангровых деревьев¹⁾ хотя и скрывала от жгучих лучей солнца, но и тень не давала облегчения.

С крутого берега проскользнул к стоячей, загнившей воде крокодил и грузно в нее бухнулся. Какое-то животное шарахнулось в кустах и быстро умчалось. Наверху болтали обезьяны. Показалась змея и, тускло блеснув у свившихся корней, куда-то исчезла. В зеленой тине копошились краббы.

Не уступая ни утомительно долгому пути, ни трепавшей его лихорадке, Ашбрук медленно шагал через болото, глядя по сторонам из под своего широкого шлема. Он чувствовал, как уходят его последние силы, но твердо решил не поддаваться своей усталости.

Приходилось пробираться через высокий тростник, который служил как бы проходом между деревьями. Лицо жестоко ныло от укусов бесчисленных moskitov, тучами поднимавшихся при каждом шаге. Голые руки и колени были исцарапаны терновником, а рубашка и короткие штаны изодраны. Сжимало грудь и пересохшее горло палило как огнем. Только сильная воля, мужественная настойчивость помогала ему волочить свои ноющие от усталости ноги.

Вдруг он заметил, что его носильщики-туземцы перестали следовать за ним. Обернулся чтобы посмотреть, что с ними стало. Три негра стояли на одном месте и оживленно между собой болтали.

«Мак-Конаки, прибавить шагу!» — резко крикнул Ашбрук.

Однако, обычно несший его ружье туземец только закачал своей покрытой турбаном головой.

Ашбрук тяжело вздохнул. Дело принимало худший оборот, чем он ожидал. Если струхнул и попятился даже Мак-Конаки, который плавал по морю и говорил по-английски, арабски, равно как на полдюжине других местных диалектов, если даже он перепугался, то чего же ждать ему от двух других.

«Нет итти!» — угромо ответил Мак-Конаки.

«Чего же ты испугался?»

«Мертвый человек, бвана. Он гуляет» — отвечал Конаки и добавил еще что-то двум остальным, чего не понял

¹ Мангровы — прибрежные или приморские леса тропических стран. Эти деревья растут на илистой и жирной почве низких берегов, затопляемых приливом. Мангровы выпускают из своих стволов длинные воздушные корни, которые спускаются до почвы и укореняются в ней.

Ашбрук. В ответ те заволновались и стали беспокойно вращать своими большими, выпуклыми глазами. Их черные лица посерели.

«Теперь уже их ни чем не возьмешь!» — подумал Ашбрук. Двенадцать месяцев проведенных им в Восточной Африке научили его, что если туземец способен преодолеть свой страх перед человеком-врагом или диким зверем (львом, слоном, крокодилом или змеей), то уже никакая сила, даже верная смерть, не может уничтожить в нем дикого ужаса перед таинственной, сверхъестественной силой.

Что три туземца не сделают теперь ни одного шагу дальше, это Ашбрук отлично понимал и этому не удивлялся. Мак-Конаки стоял и опирался на винтовку с лицом смущенным и даже пристыженным, но вместе с тем и упрямым.

«Бвана, — сказал он — корабль!».

«Корабль?! — воскликнул Ашбрук. — Где?»

«Здесь» — ответил Мак-Конаки, подняв свою сухощавую руку и указывая вперед на темную завесу мангровых деревьев.

Ашбрук задумался.

«Подождите здесь — сказал он после некоторого размышления. — Все вы. Понять, что я сказал, Мак-Конаки?»

«Да — ответил тот, смачивая языком пересохшие губы. — Хорошего ничего. Там мертвый человек, бвана; он гуляет».

«Вздор!» — заявил Ашбрук и, повернувшись, медленно пошел по тухлой, тинистой грязи в том направлении, которое указано было Мак-Конаки.

И вот, не успев он сделать и 50 шагов, пробираясь сквозь мангровую заросль и шлепая по болоту, как увидел корабль.

Так значит правдой были все рассказы туземцев и корабль действительно существовал! И, может быть, он был бесследно и давно исчезнувшим «Акциумом». И тогда раскрылась бы,

наконец, эта мучительная шестилетняя тайна.

«Нет, не может быть» — решил он, хотя именно слабая надежда отыскать судно его умершего брата завела его сюда, в это африканское болото.

В конечном итоге, «Акциум» исчез бесследно в открытом море, хотя в то время и не проносилось бури, которая могла бы потопить его. Но он мог быть потоплен и одним-двумя снарядами германского крейсера, хотя в этом случае слух о его гибели дошел бы до английских берегов.

Усталый и измученный Ашбрук с трудом устранил со своего пути пучки мангровых корней, которые его задерживали и, наконец, остановился.

Никогда за все двадцать лет своей жизни не представлялось глазам его более странного зрелища. Прямо перед

Корабль действительно существовал.

ним стояло судно, залитое жгучими лучами тропического солнца; оно стояло к нему своей кормой, все покрытое растительностью и зеленой слизью. Его высокая труба окончательно вылиняла, а на двух коротких мачтах была оборвана вся проволочная оснастка. Мангровые деревья высоко поднимались над нижним и верхним мостиком. Одна только верхняя часть руля и одна лопасть ржавого винта, высовывались из вонючего болота. Нос был поднят выше кормы и все на судне свидетельствовало о полном разрушении. Лодки отсутствовали. На палубе никакого признака жизни. Корабль был покинут.

Как мог он забраться в такое место? И тем не менее, он был здесь, оставленный людьми и вне своей родной стихии, в двадцати километрах от моря.

Ашбрук подошел к судну поближе. Сердце у него спокойно билось, когда он стал разбирать на корме уже не белые, но ржавые и трудно читаемые буквы. И он медленно читал, не понимая: «А к ц и у м. Л и в е р п у л ь». Постепенно значение букв стало для него проясняться. Ведь это было судно, которым командовал его брат! Это открытие заставило его пошатнуться. Он нашел «А к ц и у м», судно его брата, Джека.

Ашбрук начал с кормы обходить весь корабль, пробираясь сквозь мангровые заросли и зорко высматривая лежащих в тине крокодилов. У машинного отделения он заметил в корпусе судна отверстие. Здесь снаряд пробил, очевидно, тонкую стальную оболочку и разорвался. «Акциум» ускользнул все же и после этого разрушительного подарка от германского крейсера.

Таинственность сгустилась.

Ашбрук вскарабкался по стволу мангрового дерева и спустился на мостик. Теперь он стоял у люка угольной ямы и испытующе оглядывался по сторонам, испуганный и стараясь убедить себя, что он вовсе не испуган.

Семь лет тому назад он покинул палубу «Акциума» тринадцатилетним мальчишкой. Он помнил, как все на нем блестело и сверкало, а брат казался ему сверхъестественным существом. Ведь он был капитан. А теперь всюду ржавчина, тинистая слизь и разрушение. И словно рамкой этой картины запустения служило болото, с его зарослями и тошнотворным запахом.

Ашбрук предусмотрительно вынул револьвер, открыл дверь и направился к кают-компаниям, тревожно озираясь по сторонам. Когда он вошел в нее, над его головой дико закружились летучие мыши, а крысы с писком разбежались при его приближении. Тревожно заглядывал он в каждую выходившую в коридор каюту. Никакого следа от прежних их обитателей, за исключением нескольких книг и настолько выцветших фотографий, что лиц на них уже нельзя было разобрать. Один стул лежал на боку, у другого не хватало спинки. И здесь те же летучие мыши и всюду мухи. Стекла в дверях были выбиты, а одна дверь была еще добавочно изрешетена пулями. Весь ковер покрывала засохшая грязь, и на нем валялась огромная куча смятых бумаг. Огромный стол был покрыт уже истлевшей скатертью, на которой лежала заложенная трубкой книга.

Какая-то жалость проснулось в Ашбруке. Ведь и книга, и трубка принадлежали некогда человеку, которого вызвали и который уже не вернулся обратно.

Двигаясь по каюте и постоянно отмахиваясь от тучи мух, он остановился, когда услышал из под дивана сердитое рычание. Звуки как будто принадлежали дикой кошке. Он не хотел подвергаться нападению, а затем стрелять в эту кошку, очевидно, с котятами. Повернулся и вышел.

Выходившие в этот коридор каюты первого и второго помощника капитана, ванная, кладовка и т. д. походили на остальные каюты и точно также были покинуты. И еще раз Ашбрук остро почувствовал, что здесь жили некогда люди, с которыми он, наверное, встречался мальчиком и, быть может, говорил. И эти люди теперь мертвы. Пробежала невольная дрожь и он поспешил выйти на палубу, чтобы подняться затем по лесенке на нижний мостик, где увидел перед собой дверь с медной досочкой, покрытой теперь зеленью. Одно слово было на ней вырезано: «Капитан».

Ашбрук повернул ручку и, войдя в каюту своего брата, начал с любопытством оглядываться. Здесь уже не замечалось обычных признаков разрушения и опустошения. И невольно он спросил себя: почему? Повидимому, двери кают-компаний были оставлены распахнутыми, когда экипаж покидал свое судно, в то время как дверь капитанской каюты была заперта. Ашбрук представил себе, что с той поры, как ее покинул брат, ни одно человеческое существо не стояло там, где некогда стоял он. И ни одни глаза не

видели того, на что взглянул он в последний раз. Эта мысль заставила его почувствовать близость к умершему Джеку. Дверь была закрыта с 1914 года и вот, через шесть лет, она снова открылась, чтобы пропустить его брата.

Немного погодя он принялся за осмотр всей каюты. На письменном столе он нашел несколько пыльных бумаг, желтых и покрытых пятнами; здесь же стояла чернильница с давно высохшими чернилами. Стекло в книжном шкапу уцелело, равно как и книги стояли на своих прежних местах. Несколько костюмов, опрятно сложенных, лежало на диване; их покрывал густой слой пыли. Здесь же было около дюжины морских карт.

Ашбрук вспомнил, что когда еще мальчиком он покидал эту каюту, то ее стены были покрыты картинками и фотографическими снимками родных, судов и знакомых моряков. Куда же делись эти снимки и картины? Неужели даже в минуту крайней опасности он вспомнил о них и взял их с собою? Он представлял себе чувства брата, когда тот бросал прощальный взгляд на свою каюту.

Ашбрук уже намеревался было открыть дверь в спальную, когда услышал вдруг какое-то легкое шарканье на нижнем мостике. Встревоженный, но без испуга, он обернулся и стал напряженно вслушиваться. Шарканье перешло теперь в медленные шаги.

В его уме пронеслась мысль, что это Мак-Конаки преодолел свой страх перед кораблем и поднялся на палубу. Но сразу же оставил эту мысль: шагавший по мосту человек носил башмаки, тогда как Мак-Конаки ходил босиком, как и другие туземцы.

Ашбрук усталился в дверь и чувствовал всем своим существом, что за нею кто-то сторожит его. Он безмолвно насторожился и сознавал, как обуял его настоящий ужас. Его пугала не верная смерть, а что-то такое, что было хуже самой смерти. Он знал наверняка, что попал в какую-то ловушку, из которой должен выбраться возможно скорее, если хоть сколько-нибудь дорожит своей жизнью.

Дверь неожиданно открылась и он увидел сморщенного, седобородого человека в оборванной форме с потускневшими галунами, указывавшими на его капитанский ранг.

Оба не двигались и в молчании смотрели друг на друга.

У человека с седой бородой и морщинистым, загорелым лицом были свирепые красноватые глаза, тонкий нос крючком и отвислые губы, которые обнажали желтые клыки зубов. На голове была надета старая форменная фуражка со съехавшим на сторону помятым козырьком. В правой руке у него был револьвер.

Этот человек выстрелил, прежде чем Ашбрук успел произнести хоть одно слово. Выстрел оглушил Ашбрука, а пуля пронеслась над его головой и впилась в стену каюты. Беспомощно и медленно, весь дрожа, Ашбрук пытался вытащить из кобуры свой собственный револьвер.

И вдруг человек с седой бородой принялся смеяться. «Ашбрук! — сказал он. — Да ведь это Ашбрук. Вот это кто!»

Ашбрук почувствовал, что творится что-то невероятное, а когда заговорил, то сам не узнал своего голоса.

«Да, я — Ашбрук!»

Человек с седой бородой и свирепыми глазами опустил дуло своего револьвера и произнес, как бы разговаривая сам с собой:

«Да, но зачем на нем это хаки, а? Я глуп! Не следует зря тратить патроны. Какой толк стрелять в пустое место?»

«Никакого толка!» подтвердил Ашбрук.

Он почувствовал, что этот странный человек, с отталкивающими глазами, был напуган встречей не меньше его самого. А человек этот продолжал стоять в дверях и бормотать себе под нос:

— Мне следовало бы знать, Ашбрук, что стрельба здесь не к чему! У меня что-то странное творится в голове. Знаете ли вы, отчего это происходит? Ведь я совсем один и встречаюсь только с вами. А вы не очень-то годитесь в товарищи. Да и какое удовольствие в разговорах? Никакого! Итак, мы вместе с вами на борту парохода! А вы не в форме! Как не стыдно!

Он начал смеяться с каким-то тихим визгом, который невольно бросал в дрожь.

— Хи-хи-хи! Вы и я, вместе на борту старого Акциума! Он стоит здесь, ошвартованный, готовый выйти в море по одному моему слову.

Человек положил револьвер у свернутых карт и, заложив руки в карманы своей изодранной форменной куртки, стал насвистывать что-то неопределенное. Затем он подошел к письменному столу и начал перелистывать блеклые бумаги.

Ашбрука охватило неприятное ощущение, что этот человек разыгрывает какую-то роль и делает вид, что не замечает его присутствия в каюте. Но тот внезапно повернулся и уставился на него своими красноватыми глазами-щелочками, плававшими ненавистью из-под свирепых бровей.

— Все еще здесь? Я думал, вы уже ушли. Тоже нуждается в обществе, а? Хорошо, оставайтесь. Я привык к вам. Я успел к вам привыкнуть. — Тут он понизил голос. — Вы хотите сказать, что капитан это — вы? Дудки, вы — ничто. Если хотите, штурман, но никак не капитан! А капитан — я! Поняли?

Ашбрук почувствовал, что этот человек словно олицетворял собой все вонючее болото. В его свирепых глазах можно было прочесть кровожадность, вероломство и ненависть. Его рот был ртом безумца, но безумца, которому доставляло наслаждение совершать подлости и причинять другим мученья.

А тот с засунутыми в карманы руками и съехавшей на затылок фуражкой, вновь уставился отсутствующим взглядом на противоположную стену.

— Я жив, Ашбрук, а вы — мертвец! Я ненавижу вас и вот вы со мной! Это мое вечное наказание! Всегда, днем и ночью, во сне и наяву, вы и я — неразлучны! В этом весь ужас!

О захныкал, закрыв лицо руками.

— Скажите, Ашбрук, сколько времени прошло со времени вашей смерти?

И, наконец, Ашбрук понял. Жара и лихорадка притупили его рассудок, иначе он давно бы уже сообразил, что сумасшедший с жестокими глазами и недобрым ртом видел перед собой не живого Ашбрука, а того, кто некогда командовал «Акциумом» и давно уже умер. Неужели он был так похож на Джека?

— Кто я, по вашему? — хрипло проговорил он.

Человек с бородой, повидимому, не расслышал вопроса. Он продолжал все так же торопливо бормотать своим грубым ворчливым голосом:

— Я всегда ненавидел вас. Вы всегда старались всячески меня принизить. Вы были моложе меня, Ашбрук, на целых двадцать два года и вы были капитаном. Я был обойден и вы заняли мое место. Весь мой многолетний опыт пошел на смарку! И все же я одолел вас, Ашбрук, несмотря на всю вашу заносчивость! Да, я одолел-таки вас!

— Вы меня одолели? — медленно произнес Ашбрук. — Каким же образом?

— Каким образом?

Человек, называвший себя Кумбсом, засмеялся:

— И вы еще меня об этом спрашиваете, Ашбрук! Вы умерли, не правда ли? А я команду! Помните, ту ночь, когда мы шли из Судана. Вы заявили мне, что я едва ли стану когда-нибудь капитаном, так-как выпить люблю. Из-за виски, сказали вы. Ну что же, Джек, я доказал, что вы ошиблись. Не так ли?

Он снова засмеялся, а затем принял серьезный вид и поглубже уселся на письменный стол:

— А теперь я капитан моего собственного судна и ничто не помешает мне поступать, как заблагорассудится! Запасов у меня достаточно! Провиант! Провиант в консервах! Да и всякая живность, которую я могу подстрелить на берегу. Табак и чай! Тоннами! Правда, нет виски. Нет, это не годилось бы! Ведь командует бедный, старый Боб Кумбс, над которым вы издевались и мешали ему получить место капитана. Я команду, Джек Ашбрук, вместо вас!

— Но почему? — спросил Ашбрук.

— Почему? Будьте рассудительны, Ашбрук. Кто другой мог бы командовать кроме меня?

— А когда вы приняли на себя командование?

— Когда я принял командование? Что за вопрос! Вы сами знаете этот день, проклятый мертвый лицемер! И все это из-за обстрелявшего нас крейсера, который и загнал нас вглубь страны, вверх по реке,

Он засмеялся про себя, словно заикался, и покачал головой.

— У вас были конечно, свои подозрения, и я вас не осуждаю. Вы были правы! Вспомните ту ночь, когда мы забрались сюда, после этого бегства вверх по реке, в темноте, через песчаные отмели. Чорт побери, что за ночь! Никто не знал, куда мы попали и где находимся. Я и сказал тогда матросам, что капитан не знает, куда он зашел. Я это сказал, конечно, с умыслом. Мне нужно было взять их в руки и я хотел сам стать командиром судна. Случай мне благоприятствовал и я решил использовать его. Да и почему бы нет?

Ашбрук сидел на диване молча и ждал, что выяснится ему дальше. Кумбс продолжал бормотать, повидимому, совершенно его не замечая. Удивительней всего было то, что он не нуждался в поощрении. Несколько вопросов было достаточно, чтобы заставить его разоблачить все свои тайны, которые он так долго хранил про себя. Кумбс говорил ему, брату своего мертвого капитана, так, как если бы он разговаривал сам

с собой, чтобы слышать только свой собственный голос.

«Кто сказал там, в конторе пароходной компании, что старый Кумбс не годится, что он пьет. Я говорил им, что сделай они меня капитаном, я не прикоснусь ни к одной капле виски. Но они смеялись надо мной, будь они прокляты! Говорили, что старый Кумбс должен быть доволен тем, что его держат помощником капитана. Но старый Кумбс говорил правду. Ни одна капля виски не попала по его губам, ни одна, с тех пор как он принял на себя командование. Последний, единственный глоток в ту ночь и после этого — ни одного. Ни одного с тех пор, как они все уберлись с судна. Нет!».

«Главный механик во что бы то ни стало хотел уйти с судна. Он боялся, что загниет рана у него на руке. Ему и вправду был нужен врач. И кому же предложили отпра-

Оба в молчании смотрели друг на друга.

виться вместе с ним? Кто должен был управлять шлюпкой и провести ее через болото, вниз по реке, туда, где мог найтись какой-нибудь врач, немец или португалец—безразлично Ну, конечно, старый Кумбс. Кто же еще? Только бы освободиться от старого Кумбса! Спровоцировать его с судна, где он стал поперек дороги. Одиннадцать человек получило приказание сесть в шлюпку номер первый, единственно уцелевшую во время обстрела. И никого-то из них теперь нет в живых, кроме старого Кумбса.

Через несколько часов после того как шлюпка покинула судно, главный механик спросил: «Как вы полагаете, мистер Кумбс, сможем ли мы пробраться?» Жара убивала его. «Почему бы нет, — ответил старый Кумбс, — это вполне возможно». Конечно, так оно и было. «Ради бога, давайте причалим под тень этого дерева, — сказал главный механик. — Старый Кумбс согласился. Почему бы нет? Пока они все дремали, он взял компас, чтобы легче найти дорогу обратно на судно и вылез на берег. Ему не нужно было торопиться. Он сидел на дереве, где они не могли его видеть, и наблюдал за этой потехой. Они пытались вернуться обратно на судно. Невежественные сумасброды! То-то они перепугались. Течение было прямо бешеное. Что случилось дальше? Это известно только старому Кумбсу и никому больше! Ему даже не пришлось пустить в ход своего ружья. А почему же старый Кумбс не стрелял, а? Да потому, что шлюпка наскочила на подводный камень, пробивший в ней дыру и затонула над его глазами! Все десять человек очутились в воде, солнце припекало их сверху, река неслась как бешеная, а старый Кумбс орал во всю! С ними было покончено, со всеми десятью! Ни один из них не вышел живым из реки. Я хохотал до того, что у меня чуть жилы не лопнули со смеху. Я и сейчас смеюсь, как вспоминаю их!

Ашбрук стряхнул с себя охватившее его чувство тошноты.

«Крокодилы?» — спросил он.

«Крокодилы!» — подтвердил Кумбс, задышав от восторга, — Крокодилы! Большие, щелкающие челюсти, злющие крокодилы! Мои приятели! Они схватили их вместе с главным механиком».

«Когда же старый Кумбс вернулся на судно, была темная и жаркая как пламя ночь. Он сказал, что направил шлюпку по верному пути, сам же никак не мог вывести разлуки со своим капитаном! Ловко придумано, не правда ли? Ну еще бы!».

Он снова начал говорить о себе в первом лице.

«Я терпеливо выжидал своего времени. Что стряслось с механиком и остальными? Господи, что же с ними стряслось? Об этом вы меня все время спрашивали, Ашбрук! Вы и все остальные. Я тоже жаждал узнать это. И часто говорил: «Где-то наш бедный старик-механик». На борту было двадцать девять душ, когда мы покинули Ливерпуль. Десять было убито германцами. Десять утонуло вместе с механиком в шлюпке. Это составляло уже двадцать. Вы и я — вот уже двадцать два. Оставалось еще семь. Я выжидал по-прежнему. Прошло три дня. Помните вы эти три дня, Джек? Я смеюсь теперь при одном воспоминании о них: вы — командовали, а я выжидал. Помните вы тех пятерых, которые беспрестанно повторяли, что они уйдут во что бы-то ни стало. Жара убивает их, они не выживут, если останутся на судне. Дурачье! И я сказал им, не моргнув глазом, что поведу их, только капитан ничего не должен знать. Мы удрали с судна ночью. Было темно и жарко. Мы отправились вшестером пешком по болоту. Но вышли из него не шестеро! Нет!

Ашбрук нагнулся вперед. Через пять-десять минут он узнает решительно все.

— И что же, вы убили их? — спросил он.

— Да вы слышали, ведь, выстрелы, неправда ли? Конечно, вы их слышали и знаете, что я убил их. Им нечего было мытариться. В первую очередь Пэжа и Робертса. Эх, чорт возьми! Меня трясет от смеха при одном воспоминании об этом! Остальные подумали, что на их напали немцы, хотя на сто миль кругом не было ни одного. Это я убил их! Да, я! В темноте. Сначала Пэжа и Робертса; затем маленького Шоу, потом этого Мак-Рэди, и, наконец, Кэгса. Я всегда недолюбливал Кэгса. Низкий человек! Он боролся со мной, как тигр! Это его вопль донесся к вам. А вы так и не знали, что я ушел, пока не увидели, как я карабкаюсь на судно, неправда ли? Но вы слышали выстрелы. И вы дали мне понять, что вам известно их значение. Этим все было решено. Вы или я — не так ли Джек? Мне надо было избавиться от вас, если я хотел командовать.

— Да, вам надо было от меня избавиться, — согласился Ашбрук, невольно вливаясь своим пальцем в собачку револьвера. — Скажите мне, Кумбс, как же вы от меня избавились?

Кумбс рассмеялся, закинувши голову:

— Я уже сказал, что по единодушному желанию всего экипажа. Да, на борту тогда оставались только стюард Вильямс, да кочегар Лоусон. Правда, они были пьяны, но все равно я был единогласно выбран капитаном. Вы смеялись надо мной. Вы слишком часто смеялись. Я спросил вас, как мужчина мужчину, честно и открыто, могу ли я быть капитаном? Вы послали меня к дьяволу! Вы это сделали! Вы сказали, что вы останетесь капитаном до своего последнего издыхания. Честно и открыто! Я поймал вас на вашем слове, Ашбрук! Чорт возьми, до последнего издыхания!

В молчаливом восторге он покачал головой и выте слеза из глаза.

— Да, я заставил подняться Стюарда и Лоусона и прямо заявил им, что я — капитан, а они должны повиноваться моим приказаниям. Проклятые головорезы принялись смеяться надо мной. Я вам покажу, как бунтовать! — сказал я. — Они думали, что могут запугать меня! Я им показал, что они ошибаются. Я — не трус и поджилки у меня не трясутся, когда приходится расправляться с людским отребьем. Я застрелил их и выбросил за борт, как застрелил бы змею, и долго наблюдал, как эта парочка болталась рядышком в воде, пока ее не утянули крокодилы. — Славные молодцы — эти крокодилы!

Ашбрук подавил в себе острое желание выстрелить в своего собеседника. Сумасшедший или нет, этот красноглазый, седобородый негодяй был всего только жалким червяком.

— И вот тогда, Ашбрук, тогда я стал самым счастливым на земле человеком. У меня было судно! Я стал капитаном!

— Это ложь, Кумбс! Я оставался капитаном, как останусь им и до сих пор!

— Вы! Что за чушь! Как можете вы быть капитаном, когда капитан — это я?

— И тем не менее, Кумбс, капитан — я!

Кумбс задрожал.

— Ашбрук, у вас не все дома. Вы не можете идти против меня. Однажды, вы пытались это сделать и срезались. Вы не запугаете меня, проклятый призрак. Я капитан «Акциума»! А вы — вы только жалкий, мертвый призрак. И к тому же — бессильный. Убирайтесь-ка лучше. Вам не к лицу торчать здесь при дневном свете. Вы только ночью дежурите на палубе! А теперь, убирайтесь, слышите?

Он с трудом поднялся на ноги, сделал несколько шагов к двери и остановился.

— Странно! Почему он не уходит? Он не имеет права торчать здесь. Разве я не капитан? Конечно же, капитан. А раз так, то, что же ему надо? — Он взглянул через плечо на Ашбрука, который не двинулся со своего места. — Уж не выкидывает ли он со мной какую-нибудь штуку? Нет, он все там же, где я его оставил. А почему же он не уходит, если я приказываю?

Нахмурившись, он поглядел на Ашбрука, а затем повернулся и вышел в дверь, поднимаясь по лестнице на верхний мостик. Ашбрук вскочил на ноги и последовал за ним, задержавшись на нижнем мостике, только для того, чтобы вышвырнуть за борт, в чащу мангровых деревьев, револьвер Кумбса.

Кумбс распахнул настежь дверь в лоцманскую рубку и, вытянув шею вперед, заглядывал через порог, словно он был чем-то крайне испуган.

— Да, он тут. Все в порядке! Что-то испугало меня на минутку. Я подумал, что он ушел. Это мне не понравилось!

Он отошел от двери и, скрестив руки на груди, облокотился на рулевое колесо.

В это время вошел в рубку и Ашбрук. Сначала он ничего не мог рассмотреть; внутренность рубки, казалось ему погруженной в темноту, по сравнению с ослепительным солнечным светом. Но затем, похолодев от ужаса, он обнаружил на диване контур покрытый одеялом человеческой фигуры. Его поиски закончились. Сняв шлем и держа его в руках, он медленно двинулся вперед. Его ноги подкашивались, мысли путались, жара душила его и он с трудом переводил дыхание.

Боязливо и собрав все свое мужество, он приподнял край одеяла с запекшимися на нем темно-коричневыми пятнами и взглянул... на высохшее лицо своего брата, убитого шесть лет тому назад. Его глаза наполнились слезами.

«Бедный Джек!» — произнес он, молчаливо продолжая свой разговор с братом.

Молчание нарушил голос убийцы.

«Ведь он все по-прежнему там? Почему же продолжает меня беспокоить? Ведь я же убил его? Откуда эта тревога?»

Ашбрук мягко опустил одеяло и повернулся к облокотившемуся на руль с оскаленной улыбкой Кумбсу,

«Кумбс, — сказал он, — я хочу поговорить с вами».

Кумбс попятился к лесенке, ведущей на нижний мостик.

«Послушайте, Ашбрук! — воскликнул он. — Оставляйте там, где вы должны быть! Вам не запугать меня своим мертвым телом. Вы ничего не можете со мной сделать, ничего! Я-то жив, а вы мертвы. Я это видел своими собственными глазами. Ваше черное сердце пробито пулей! Оставьте же меня. Ступай обратно в свою собачью будку, пес!»

В его крошечных глазах впервые отразился слабый проблеск мысли, что происходит что-то неладное.

«Кумбс, — сказал Ашбрук, — вы убийца! Будьте вы прокляты, стойте на месте!».

Кумбс продолжал спускаться по лесенке.

«Остановитесь, Кумбс! Слышите, что я вам говорю!».

«Почему это он так говорит со мной? — спокойно проговорил Кумбс. — Это не похоже на Джека Ашбрука, нет. Старина никогда так не разговаривал! Конечно, он груб. Это звучит совсем по новому! Ведь он мертв? Ну да, еще бы. Так почему же он говорит так с беднягой Бобом Кумбсом? Что это значит? Будь я проклят, если понимаю что-нибудь».

Он спустился на нижний мостик и заколебался. Быстро взглянул на дверь своей каюты, а затем перевел свой взгляд на лесенку, ведущую на верхний мостик. Тут он вздрогнул и жалобно проворкотал:

«Почему он не оставляет меня одного? Почему он не уходит? Что я ему сделал дурного?».

Ашбрук крепко схватил его за руку.

«Довольно! Не воображайте, что я не разглядел вас и не понял ваших уловок. Полно тебе притворяться, проклятый убийца! — продолжал он, яростно встряхнув Кумбса.

Кумбс открыл рот и пронзительно закричал. Его охватил безумный страх. Он перестал кричать и начал бороться с такою силой, которую с трудом можно было подозревать в таком дряхлом на вид человеке.

Ашбрук был моложе его почти на сорок лет, но и он потерял равновесие и должен был отпустить захваченную им правую руку. Мало того, Кумбс несколькими ударами кулака раскровянил ему лицо.

«Вы еще живы, лжец! Живы, будь вы прокляты! Жив, клянусь преисподней! Жив!».

Ашбрук ухватил его за кисть руки и снова задержал «Стойте, порази вас молния!»

Кумбс весь осел. Его колени подогнулись и он опустился у лесенки. «Дьявол, он дотронулся до меня!» Голова

у него упала вперед и закрыла его лицо, но съжившееся тело дрожало. «Он дотронулся до меня! — продолжал он хриплым, сдавленным голосом. — Я убил его, но он не умер; он здесь, жив и держит меня!». Кумбс перестал сопротивляться и теперь начал пресмыкаться перед Ашбруком, который с внезапным омерзением отпустил его руку.

Был ли он сумасшедшим или нет, этот дегенерат в поблекшей форменной одежде и с потускневшими галунами, но у него хватило некогда ума задумать и осуществить убийство брата. Он не чувствовал к нему жалости. Прямо или косвенно, но Кумбс был ответствен за смерть своих восемнадцати товарищей по судну. И этот человек гордился тем, что сделал. Долгие годы одиночества на борту «Акиума» не вызвали в нем ни отчаяния, ни урызения совести. Он считал себя капитаном и был счастлив!

«Встаньте!», — сказал Ашбрук.

Кумбс поднял голову и выпрямился. В его окаймленных красными полосами глазах промелькнуло коварное выражение. «Убил его однажды» — сказал он. «Мог бы убить и еще раз! Знаю, что мог бы».

«Убирайтесь с моих глаз! — сказал Ашбрук. — Вы мне противны».

Кумбс сполз вниз по лесенке на площадку и поднял кверху сморщенное, загорелое лицо, искаженное ненавистью и страхом. «Значит, я не капитан! — пробормотал он и рабоподно опустил глаза, словно ожидая нападения. — Итак, я не капитан! Эта свинья, там наверху, обошла меня! Бедняга Боб Кумбс, в конце концов ты не был капитаном. Он обошел тебя! Ожил, хотя и был мертв! Я справедливо не доверял ему, никогда!».

Он повернулся и, хныкая, перелез через перила и выбросился за борт. Ашбрук услышал, как он нырнул в болото. Наклонившись над перилами нижнего мостика, он впился взглядом в зеленую массу мангровых деревьев вокруг парохода.

Внезапно он почувствовал раскаяние. Кумбс был сумасшедшим. Не следовало прогонять его, а нужно было оставить безумца в убеждении, что Ашбрук был именно тот человек, которого он убил. Куда направлялось теперь это жалкое существо?

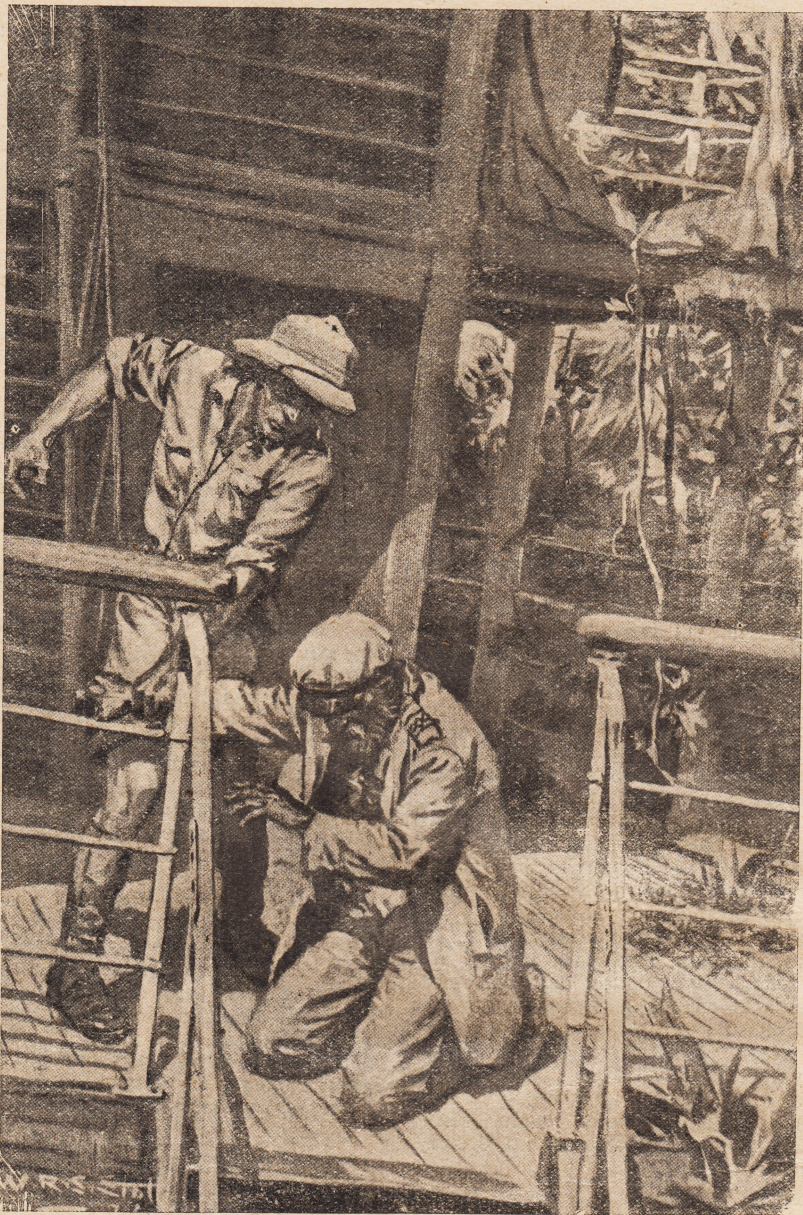
«Кумбс, вернитесь!» — крикнул он, продолжая слышать его всплески в болоте. «Кумбс!» А, впрочем, чего ради ему терзаться? — подумал он. «Разве Кумбс не убил хладнокровно его брата и других семнадцать человек? Зачем жалеть такого негодяя?»

Здравый смысл убедил его, что с Кумбсом не случится никакой беды. Никто не мог бы прожить шесть лет в этом болоте, не научившись на опыте защищаться от всевозможных опасностей.

Но раз Кумбс был убийцей, то следовало доставить его в лагерь, как пленника, и передать затем в руки властей. Он спустился с корабля и выбрался на берег.

«Кумбс!» — крикнул он. — «Кумбс!».

Ответа не было.

«Он здесь, жив и держит меня!»

Ашбрук кинулся в том направлении, куда по его мнению, ушел Кумбс.

«Кумбс, — позвал он, — где вы?».

Ашбрук остановился. Он не знал наверняка, где ему искать Кумбса, который подстерегает его, может быть, за ближним кустом. Он настороженно прислушивался. Все болото казалось мертвым и неподвижным.

И вдруг совсем близко он услышал треск ружейного выстрела, а затем дикий, нечеловеческий вопль и тяжелое падение какого-то тела. Охватившее его оцепенение исчезло. Он начал стремительно пробираться сквозь чащу: лианы цеплялись за ноги, впивались колючки, мангровые деревья все время перерезали путь. Он поднимался по какой-то илистой отмели и в узком просвете между мангровыми деревьями увидел, наконец, лежавшего навзничь Кумбса, с простреленной головой.

Кто-то осторожно приближался к нему. Он быстро обернулся и увидел Мак-Конаки, подходившего к нему с ружьем в руках. В его выпяченных, округленных глазах

светился ужас. На некотором расстоянии за ними следовали два остальных туземца.

«Мак-Конаки — спросил Ашбрук, — это ты стрелял?».

Мак-Конаки задрожал.

«Мертвый человек, бвана! Мертвый человек! Он не гулять!».

«Да, теперь уж нет» — ответил Ашбрук, взглянув на труп, облаченный в свою оборванную и запачканную грязью форму. Красноватые глаза широко открыты, а желтые клыки обнажены растянутыми в безумную улыбку губами.

Ашбруку показалось, словно убийца его брата даже в эту минуту молчаливо и упорно уверял, что именно он, а не кто-либо другой, был капитаном «Акциума».

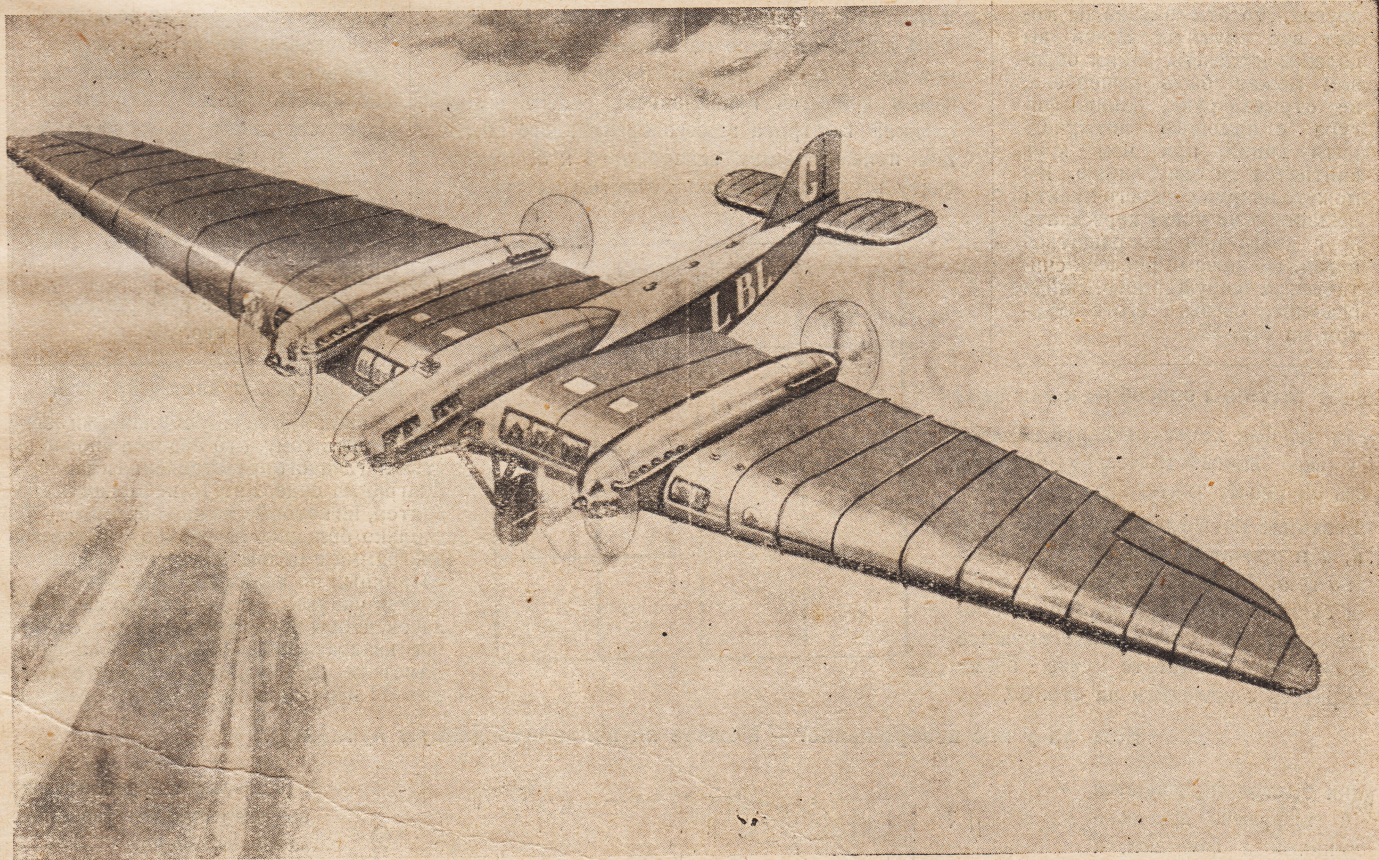
«Мак-Конаки, — сказал он, — тебе надо будет вырыть могилу. Понимаешь меня? Могилу».

Он задумался. «Две могилы, — поправился он. — Одну здесь, Мак-Конаки, а вторую где-нибудь подальше».

«Капитаны корабля «Акциум» — подумал он — должны покоем поодаль друг от друга».

ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ САМОЛЕТ

(Новый моноплан Блерио).

Пионер авиации, Луи Блерио, занят ныне созданием нового трансатлантического пассажирского самолета. Блерио предполагает сделать его совершенно закрытым: пассажиры, экипаж и горючее будут помещаться внутри крыльев, а не в наружных фюзеляжах.

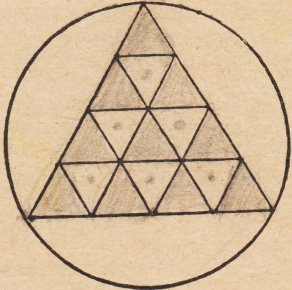
По идее изобретателя, его будущий аэроплан будет представлять собой пару огромных летящих крыльев, внутри которых пассажиры смогут передвигаться так же свободно, как по палубе океанского парохода. Там будут устроены

пассажирские каюты, столовая, застекленные „палубы“ для прогулок и даже танцевальный и концертный залы.

Аппарат будет двигаться со скоростью 125 миль в час при помощи 4 моторов — двух спереди и двух сзади. Благодаря такой внешней форме аэроплана сопротивление воздуха будет сведено до минимума. Изобретатель утверждает, что его проект отнюдь не фантастичен и что одни только денежные соображения пока препятствуют его немедленному осуществлению.

Шесть испытаний ваших способностей.

Вы слышали, конечно, фамилию Сэма Ллойда. Этот американец пользуется мировой известностью, как составитель наиболее остроумных и занятных головоломок. Редакция включила этого большого автора в число своих постоянных сотрудников и помещает теперь его первые

Здесь испытание вашей находчивости.

Если в качестве шоффера или велосипедиста вы можете сразу выбрать нужную вам дорогу среди целого лабиринта других, то эта задача не может вас смутить. Здесь вы должны показать, каким образом может быть вычерчена, не отрывая руки, данная фигура с помощью четырнадцати линий, при чем круг считается за одну линию. Вы можете начать с любого пункта и ваши линии могут пересекать друг друга или возвращаться назад. Но каждый росчерк считается за особую линию. Найдя решение, сверьте его с ответом на стр. 32.

Может быть вы способны к языкам?

Если человек хочет доказать наличие у него лингвистического таланта, пусть он решит такую задачу.

Возьмите пять гласных звуков: *а, а, а, й, й* и прибавьте к ним два согласных: *д и м*. А теперь составьте из этих семи букв цельное предложение. Работайте побыстрее и когда найдете нужное предложение, заметьте свое время и сверьте с решением на стр. 32.

Есть ли у вас воображение? — Можете ли исправить данную путаницу?

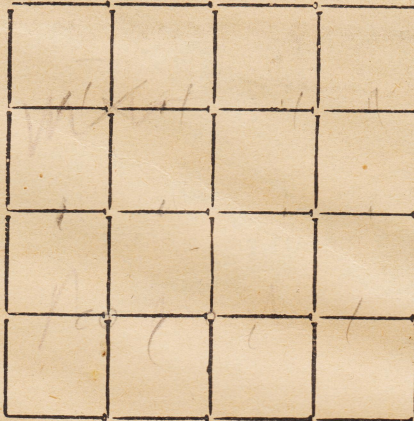
Одни быстро справляются с цифрами, другие — с линиями и формами, а третьи — с цветами. Возможно, что вы наделены воображением или чутки к живой игре слов? Тогда вы шутя справитесь с нашим случаем.

Предприимчивая фирма пригласила семь человек безработных и отправила их в качестве т. наз. „сэндвичей“ с рекламой по городу. Автомобиль нарушил их первоначальный порядок

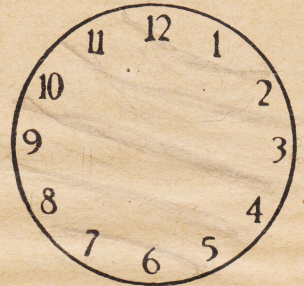
Можете ли вы считать быстро?

Здесь в одних ведерках лежат куриные яйца, в других — утиные. Торговец вычисляет: „Если я из одного ведерка продам все яйца, то в других у меня останется куриных яиц в два раза больше, чем утиных!“. Количество яиц обозначено на каждом ведерке. Какое же ведерко должен продать торговец, чтобы доказать правильность своего вычисления? Быстрота вашего правильного решения покажет вашу способность к быстрому счету в уме. Сверьте с ответом на стр. 32.

опыты, которые помогут каждому познать самого себя, выяснить свои собственные способности.

Если вы будете отмечать время, потраченное вами на решение каждой задачи, то в итоге действительно получится испытание ваших различных способностей.

Легко ли справляетесь с цифрами?

Если у вас есть способность к цифровым выкладкам и некоторая находчивость, то вы справитесь и с этим заданием в несколько минут. Вам нужно разделить данный циферблат на шесть частей так, чтобы при сложении цифр каждой отдельной части сумма получилась каждый раз одна и та же. Каждая из шести частей должна иметь только две цифры.

Когда найдете свое решение, взгляните на стр. 32.

Хорошо ли вы анализируете?

Оригинальную задачу с булавками легко решить тому, кто наделен способностью наглядного представления и анализа. Диаграмма содержит 16 небольших квадратов, из которых можно образовать несколько больших по размеру квадратов; диаграмма в целом будет состоять из 30 различных по величине квадратов. Требуется указать, сколько нужно снять булавок, чтобы не осталось ни одного цельного квадрата ни маленького, ни большого? Заметьте свое время и убедитесь на стр. 32 в правильности своего решения

и разобраться в рекламе, как вы сами видите, оказалось затруднительно.

Посмотрите, во сколько минут вы можете поставить „сэндвичей“ в их первоначальный, удобочитаемый порядок. Название самой фирмы указано на обратной стороне досок и вам нужно только разобраться сначала в верхнем ряду надписи, а затем и в нижнем.

Учтите время своего решения, которое и проверьте на 32-ой странице.

Конец Мавропулло

Рассказ Мих. ЗУЕВА.

Рис. М. Паукевич

Звенит, воеет, грохочет порт. Глушит мощным уханьем паровых копров, вколачивающих сваи, лязгает якорными цепями, ревет пароходными сиренами, горланит криками грузчиков:

— Май-на! Ви-и-ира! Стоп!

Горяча еще от зноя набережная. Щекочет ноздри соленая свежесть моря, перехватывает горло иодистый запах гниющих водорослей и терпко несет с рыбацкой пристани разлагающей рыбой. На рейде — иностранные гости. И легкий итальянский красавец — «пассажир», «Ллойд-Триестино» и солидный «купец»-англичанин и степенные швед и немец. А рядом приткнулись к красным бочкам узкие миноносцы с сажеными цифрами на корме.

Вдоль каботажного мола сплошным лесом мачт вытянулись фелюги. На палубах их рассыпалась пестрая кефаль, распластались плоские камбалы, с темно-серой глазастой спиной, с розовым, в белых пупырышках брюхом и судорожно свернутым на сторону ртом... Но отдельно от всех остальных фелюг, на отлете стоит «Святой Георгий», словно чуждаясь этого грязного сброда. Не любит Мавропулло любопытных глаз, боится Мавропулло подслушивающих ушей.

В каюте заперся Мавропулло. Даже иллюминатор наглухо завинтил. Оттого душно и жарко в каюте. Боится Мавропулло, — подслушают, донесут.

Скребет в раздутье давно небритую, намыленную сединой щеку. Все четыре морских ветра прогулялись по его лицу, высушили, заострили, желтой сухой кожей обтянули скулы. А нос хищным ястребиным клювом загнулся над беззубым, ввалившимся ртом. Против Мавропулло развалился на табурете толстый человек, в защитном военном кителе. На плечах темные, еще не выгоревшие на солнце полосы, — видимо совсем недавно спороты погоны. Дымит толстяк черной, вонючей сигарой. На столе разбросаны бумаги, запечатанные конверты. Перебирают руками Мавропулло и толстяк эти конверты, переговариваются тихо, вполголоса.

Важный серьезный разговор у Мавропулло с толстяком. Потому-то и каюта на ключ заперта, потому и иллюминатор закрыт. Потому и Кота наверху, на палубе дежурит. Особенная сегодня вахта у Коты. Мавропулло ему строго на-строго приказал, — коль заметит на моле гимнастерку пограничника, — дернуть как будто нечаянно леер¹⁾. Сорвется тогда сверху тяжелый анкерок²⁾ и грохнет об палубу. Мавропулло грохот услышит, конверты, бумаги в широкогорлую свинцовую флягу запихнет и на тонком шпагате в иллюминатор выбросит. Приходи тогда пограничники. Не найти им флягу с конвертами. Чистая работа!

Лежа на горячих, раскалившихся досках палубы, Кота думает: Сволочь Мавропулло! Опять контрабанду повезет. Деньгу большую заработает!

Вспоминает толстого человека в военном кителе и собирает лоб задумчивыми складками:

— Нет, хуже, пожалуй. Беляков — офицеров к румынцам переправить хотят. И письма. Знаю я ихние штуки. Знаю!..

...А внизу, в каюте толстяк, кусая с злости кончик сигары, тянет умоляюще:

— Мавропулло, бога побойся! Грабиль нас. Тысячу рублей, — где такие деньги взять? И на что тебе денег столько, сдохнешь ведь скоро, чертушко морское!

¹⁾ Леер — веревка.

²⁾ Анкерок — 2—3-х ведерный боченок.

Мавропулло улыбается вежливо и шепелявит в ответ: — Деньга нужна. Много нужна. Ж-жена есть, сын есть. Им деньга нужна. Тыщу давай, — отвезу!

— Возьми пятьсот. Хватит! — просит толстяк.

— Нэ. Мало! Сам думай: письма везти, кокаин везти — что? Тыфу! И все! Везде спрячешь. А людей везти, — где спрячешь? Гепеу в море перехватит, — куда людей денешь? В карман спрячешь? Нэ. За борт бросишь? Нэ! Откуда люди, какие люди, — отвечай Мавропулло. А знаешь, что Мавропулло за это будет?

— Ничего не будет. Вывернешься!

— О-о! — Мавропулло крутит пальцем вокруг своей шеи и тыкает в потолок: — Во! Видал? Петля Мавропулло за это! Давно за мной охотятся. Нэ! Давай тыщу, за пятьсот нэ поеду.

Толстяк грохает по столу кулаком: — Бери во-семьсот! Больше денег нет.

— Нэ! — Мавропулло хлопает в ладоши. Кричит сипло: — Жона, ж-жена, спирту дай!

За спиной его отворяется, незаметная на первый взгляд, маленькая дверка. Красивая молодая женщина выносит на подносе большую бутылку спирту. Мавропулло наливает до краев толстодонный морской стакан. Протягивает толстяку:

— Пей! Добрей будешь, торговаться нэ будешь.

Толстяк опорожнил стакан, закусил таранью: — Ладно. Чорт с тобой, грабь! Не забудь только, — документы в Констанцу, кому их сдать — ты знаешь. А людей в Варну. Понял?

— Все понял. Задаток давай.

Сухо шелестят червонцы и ложатся на стол белыми заплатами. Коричневые пальцы Мавропулло цепко хватают их и запикивают в глубокие карманы шаровар...

Кота злыми, волчьими глазами встречает поднимающихся на палубу Мавропулло и толстяка. Следит за ними сторожко. Остановились под бизанью и шепчутся таинственно.

Кота думает. — Вот бы сейчас леер дернуть, чтобы обоим анкерком по черепу. Ловко б было!

Толстяк сполз по мосткам на мол и пропал в толпе. Мавропулло подходит к Коте. Сверлит глазами и хрипит угрожающе: — Что видел, что слышал, — молчи! А то камень на шею и в море. Понял?

— Ладно, — бормочет Кота. — Не грози. Знаю тебя, гада!

II.

Луна уползла устало за туповерхие горы и сразу потемнело море. Тихо море и черно. Вдали там, где не видно уже во тьме берегов, вспыхнул маяк. Мигнул белым огнем. Потух. Мигнул красным. Потух. Подумал. Опять белым огнем вспыхнул. И, кажется, — подмигивает он кому-то хитро и таинственно.

Воят в темноте сирены. Это из черного простора моря идут в порт пароходы. Ночной бриз тянет с берега на море. Шумит где-то далеко бурун.

Бульвар повис над обрывом. Опустели уже скамьи. Лишь на одной, крайней, у самого обрыва, две тени.

Кота сплел руки на коленях. Опустил голову. Лукин, приятель Коты, клепальщик из доков, сидит рядом. Через плечо смотрит вниз, на огни порта.

Тоской звенит голос Коты: — В комсомол хочу. Учиться хочу. У Мавропуллы, чему научусь?

Лукин тяжело вздыхает: — Дурак ты Кота! Сказано, не примают тебя в комсомол. Ведь пробовали уж.

— Ты меня взманул, ты мне о комсомоле рассказывал, — цепляется за рукав приятеля Кота, — ты и

делай, штоб меня приняли. Што я — бандит, спикуют? Почему так, а?

Рассудительно, спокойно звучит в темноте хриплый басок Лукина: — Да пойми ты, дурак грецкий, — отец у тебя кто? Ты парень хороший, всякий скажет. А Мавропулла? У любого спроси, — жулик Мавропулла, контрабандист Мавропулла, шпион Мавропулла! Поймать его только не могут. Но годи, засыплется твой папашка. Вот! Из-за отца и тебя в комсомол не принимают. Думают, — ты с с отцом на пару работаешь!..

Кота дышет часто и тяжело, с хрипом. Вскрикивает вдруг и шлепает крепко об землю шапкой: — А-а, так?.. Так?.. Слушай, все скажу, всю правду скажу! Не отец мне Мавропулла.. Не отец он мне. Я Кота Хеотиди, а не Мавропулла!.. Он врал, чтоб не отобрали меня у его. Я ему даром работал!..

— Чего же ты раньше молчал? — удивленно тянет Лукин. — Вот дурак набитый!

— Слушай. Все... все скажу, — лепечет Кота. — Контрабандист Мавропулла? Верно! Знаю я, доказать могу. И завтра... утром... в Варну пойдет «Георгий»... Беляков-офицеров повезем. Подслушал я. Он грозил, — камень на шею и в море! Не боюсь я! Все расскажу. Примаю в комсомол!..

Взвился Лукин. Коту за ворот схватил, того гляди задушит. Зашипел заданно:

— А не врешь-шь?.. Не врешь, парень?

— Пусти! — отпихнул его Кота. — Пойду я... сам пойду. В штаб, в погранотряд!..

Рванулся и нырнул в тьму аллеи.

— Кота-а! — крикнул Лукин. — Погоди-и, вместе!..

Прислушался. Нет ответа. И тоже сорвался. Побежал.

Шуршал встревоженно гравий под двумя парами быстро бегущих ног.

Адольф Бриккер — эстонец. Три года уже работает он в погранотряде. Каждый камешек, каждую бухточку в окрестностях знает, каждая мал-мальски подозрительная фелюга у него на учете. А вот Мавропулло поймать не может. Знает Бриккер, наверняка знает, что за птица этот грек с ястребиным носом. А доказательств нет.

И сейчас, кусая седые, обвислые, как у моржа, усы, жалуется Бриккер капитану порта:

— В печенках у меня сидит этот Мавропулло. Кровь мою он пьет. Донесли мне, затевает он что-то. Свиданья у него подозрительные. А что, когда, где — ума не приложу. Скользкий стервец, как угорь. Не ухватишь!..

Вытаскивает папиросу и долго, задумавшись, постукивает о крышку портсигара...

... Ногу в ногу взлетели Кота и Лукин по широкой лестнице штаба погранотряда. Остановились запыхавшись перед тяжелой дубовой дверью. Постучали. Вышедшему вестачу крикнули сразу оба, вперевой: — Товарища Бриккера, скорей! Шевелись братишка!

Вестовой почесал спину: — Заняты они. На совещании. Завтра приходите.

Лукин выдвинулся вперед: — Счас же давай Бриккера. Скажи, важное дело, — насчет Мавропуллы! Вестовой скрылся, а через минуту сам Бриккер распахнул дверь: — Вались сюда, ребята! Что скажете?

— Вот он будет говорить, — ткнул Лукин пальцем в Коту. — юнга он, у Мавропуллы на «Георгии» служит.

Бриккер круто повернулся на стуле. Обшарил Коту подозрительным взглядом: — Ага, он самый. Говори парень.

Сдвинул брови Кота, взгляд глаз своих, темных как ночь, с испытующим взглядом Бриккера скрестил. Выдержал, не моргнул. Сказал твердо:

— Днем у нас бритый, толстый был. Беляк определенный. В каюте с хозяином заперлись. А потом Мавропулла с братом совещались. Подслушал я. Сегодня утром «Георгий» в море выйдет. Сначала на Тарханкут, заберут там беляков-офицеров, а потом в Варну. Правду я говорю...

Бриккер, наклонив на бок умную седую голову, внимательно слушает. Лишь изредка прикусит седые, моржовые свои усы...

III.

Когда отвалили от пристани, звезды уже побледнели. Восток разгорался. Ярко-пурпурные полосы извивались в зыби и гасли на пенистых гребешках волн.

Прошли мол. «Пограничник» запрыгал на короткой злой волне.

Выкатилось солнце, еще холодное, негреющее. И тотчас спряталось в сизых рукавах туч, тянувшихся с норда.

А «Пограничник», квохча дизелями, уходит все дальше и дальше по зыбкой, широкой дороге моря. На носу — трехдюймовка. Серым хищным зверем пригнулась над палубой, задрав злую тонкую морду дула. Рядом лотки со снарядами. У колес и на лафете зеленые шинели артиллеристов.

В маленькой, темной каютке «Пограничника» — совещание. На столе — огромные, жесткие морские карты. Над картами склонились Бриккер и капитан «Пограничника». Водят ищущие по карте пальцами. Стокнулись пальцы недалеко от надписи — Тарханкут.

— Вот здесь и ждать, — говорит капитан.

Бриккер пожевал усы: — Согласен! Лучше места не найдешь.

На диване спит Кота. Спокойно дышет полуоткрытая смуглая грудь, колышутся вытатуированные на ней неведомые, заморские птицы.

По железному трапу, ближе и ближе, стучат чьи-то торопливые шаги. Вахтенный просовывает голову в дверь: — Справо по носу — фелюга!

Бриккер вынимает часы: — Как раз во время. Он! — Толкает в бок Коту и вылетает наверх. Капитан за ним. Все свободные от вахты матросы и даже артиллеристы прилипли к поручням правого борта катера. Все взоры в одну точку.

Уже далеко впереди катера режет волну большая фелюга. Кренясь на левый борт, зарываясь бугшпритом в воду, она заметно уходит все дальше и дальше от «Пограничника».

— Проворонили! Говорил — глядеть в оба! — кричит раздраженно капитан.

Захлебываясь дребезжит звонок машинного телеграфа: — Полный ход!

Залопотали басом дизеля, но с каждой минутой гуденье их все выше, все тоньше и, наконец, сливается в высокий, звенящий стон. «Пограничник» дрожит как в лихорадке. Бортовой ветер рвет клочья голубого дыма.

Бриккер не отрывается от бинокля. Наконец, опускает его с облегченным вздохом.

— Он! «Святой Георгий»! — Передает бинокль Коте: — Посмотри-ка. Кто это?

Кота долго шарит биноклем. Ничего не видит, кроме серых, кипящих словно в котле волн. Наконец, поймал фелюгу. Вот она, совсем близкой кажется. Кокетливо покачиваясь, чертит горизонт стройными

линиями мачт и легко, по кошачьи, прыгает с волны на волну. Затаил дыхание Кота. И крикнул радостно: — Он, Мавропулла. Узнал я. Круглая заплата на кливере. Он!

Бриккер шепчется с капитаном: — Ну как? Догоним? — Капитан глядит на море. Бортовая качка валит катер на бок. Винты еле выгребают. Смотрит на белые пятна парусов фелюги. И отвечает сконфуженно: — Где уж! Уйдет, как пить дать — уйдет Первый раз у фелюги такой ход вижу. Настоящий контрабандист!

Сигнальщик на мостике беспрестанно семафорит красными флажками. Приказывает фелюге остановиться. Но она уже показала катеру высокую корму и, оставляя после себя змеистый, расходящийся веером след, легко уходит все дальше и дальше.

Голубые глаза Бриккера мутнеют от ярости. Махает биноклем и кричит свирепая:

— Опять уйдет! Из под носа! Как просил, — дайте настоящее судно. Нет! Всегда корыто подсухнут, черепаху вонючую!..

Капитан кладет ему на плечо успокаивающе ладонь: — А это что? Эта штука догонит! — и показывает вниз, на трехдюймовку.

Бриккер перевешивается через поручни и кричит зычно: — Открыть огонь по фелюге! Боевыми! Жива!

Властно звучит команда: — К бою! Дробь! ¹⁾.

Зашевелились зеленые шинели. Лязгнуло оружейный затвор. Блеснула латунь гильзы и скрылась в черной пасти орудия.

— Готово!

Бриккер машет рукой.

— Огонь!

Наводчик с силой дергает вытяжной шнур. Звук выстрела больно бьет по ушам. Тело орудия от отдачи летит вниз по люльке и снова медленно накатывается наверх. Откатом орудия катер, как запряженная лошадь, осаживается на корму и задирает к небу нос. Слышится свист удаляющегося снаряда.

На катере затаили дыхание. — Бу-у-ум! — доносится издалека. Зеленый фонтан воды с косматой, пенистой шапкой на верхушке, взмывает в нескольких саженях перед носом «Св. Георгия».

По катеру проносится тяжелым вздохом: — Перелет!

Бриккер не отрывается от бинокля. На палубе фелюги ни души. Но не полощат паруса, попрежнему легко и плавно несется «Св. Георгий». Бриккер снова машет рукой. Снова грохот выстрела рвет уши.

И вдруг раскатывается по катеру: — Ура-а-а!

Простому глазу заметно, как яркий язык пламени вспыхивает где-то между мачтами фелюги. Серый тротильный дым окутывает ее борт. А в бинокль видно, как вторая граната раскидала настил палубы, разнесла в клочья паруса и как ножом срезала бизань. Мачта качнулась и грохнулась на палубу. «Св. Георгий» заплескал парусами, запрыгал бестолково по волнам, завертелся волчком.

— Штурвал бросили. Испугались! — пояснил капитан. — А вернее рулевого убило.

Испуганными муравьями забежали люди по исковерканной палубе фелюги. Топорами рубят снасти сбитой бизани, спихивают ее за борт.

«Пограничник» подходит к изуродованному «Св. Георгию». Бриккер толкает Коту в спину: — Иди вниз. Чтобы они тебя не видели! — Когда сошлись с фелюгой вплотную, капитан заревел в рупор: — Стой! Сдирай паруса!

¹⁾ Зарядить орудие.

У борта фелюги мечется коротконогий толстяк. Махая руками, кричит визгливо: — Какие паруса? Все паруса порвали! Зачем рвали?

Бриккер с десятком пограничников поднимается на палубу «Св. Георгия».

— Где Мавропулло?

Коротконогий шаром подкатывается к нему: — Я Мавропулло!

У Бриккера от удивления округлились глаза: — Ты? Ты Дмитро Мавропулло?

— Нэт! Яни Мавропулло!

— А Дмитро где?

— Брат заболел, на берегу остался. Я за него!

И снова, замахав руками, полез на Бриккера: — Зачем стрелил? Зачем палубу бил, мачту ломал?

Честному моряку жить нэ даешь. Я жалиться буду, я в Москву жалиться буду! Убытки кто заплатит? Кто? Ну?

— Молчи! — обрывает его Бриккер. — Куда шел?

— В Сухум шел. За урюком шел. Вот куда!

Помощник, растерянно моргая глазами, докладывает Бриккеру: — Не понимаю, — судно чисто. Ничего подозрительного. Все норки осмотрели!

— Чего подозрительного может быть? — прыгает пехотом Яни. — Мы коммэрческий моряк. У нас все чисто! Убытки плати, на буксире в порт ведем, сам идти нэ могу. Понимаешь?

Бриккер воображает свое появление в порту с искалеченным ни за что, ни про что «Св. Георгием» на буксире. Сутулит плечи и идет медленно к трапу. Уже

на «Пограничнике» еще раз оглядывается на «Св. Георгия». Переваливаясь с боку на бок, как подбитая утка, тянется он тяжело на стальном тросе за катером. У штурвала стоит сам Яни и улыбаясь смотрит на Бриккера.

Бриккер густо краснеет, плюет прямо на палубу и лезет в каюту. В дверях сталкивается с Котой. Юноша хватается его за руку: — Понял я! Все понял!.. Мавропулло хитрый. Он сюда брата подослал, на «Георгии». А пока мы «Георгия» ловили, — он проскочил. Он дьявол, он на одном кливере под берегом проскочит. Ищи его теперь!

Кота стиснул кулаки: — Но я его найду! Я найду и за это комсомолом буду!

— Эй, на шкуно, спускай трап!

IV.

Опущены занавески, густо полит каменный пол, а в духане все же душно и жарко. Бриккер тянет из стаканов холодный кефир и лениво скользит по газете

глазами. Вдруг через плечо на газету ложится тень. Бриккер оглядывается. За стулом стоит Кота.

Вскричал, опрокинув впопыхах стул: — Что надо?

— Тебя ищу, по всему городу, — прохрипел Кота. — Мавропулло объявился, знаю где!

— Цыц, тише! — зажал ему рот рукой Бриккер и опасно покосился на дремлющего за стойкой хозяина-абхазца. — Идем за мной. Быстро!

Толкаясь в дверях выскочили на горячую улицу.

Сели на лавку, под серым от пыли кипарисом. Бриккер разгребая задумчиво носком сапога песок, молча слушал горячий шепот Коты: — Опять появился, месяц пропадал. Теперь у него моторка, шкуна. Здесь, недалеко встал. От сына Кефалони я узнал. Выпытал все. Нож ему свой отдал и билет в клуб, на кино.

Ночью его надо захватить. Иначе не поймешь.

И вдруг умоляюще протянул руки к Бриккеру: — Только меня с собой возьми. Хочу сам видеть, как ты его цапнешь!..

Темнота такая, что кажется ее можно шупать, рвать на клочки. Словно в банку с чернилами окунулись. Черно море, черно небо. Слились вместе.

Бесшумно скользит вельбот. Не плеснет весло, не стукнут уключины, предусмотрительно закутанные в паклю. Лишь ворчит тихо у форштевня вода.

Когда прошли мол, Кота шепнул: — Теперь близко. Руль правь о кладь.

За спиной остался свет маяка. Кота дернул Бриккера за полу гимнастерки: — Видишь? Вот она стоит.

Слева забелело на воде какое-то неясное пятно. И вдруг тревожный крик прорезал тьму:

— Кто гребет?

Бриккер встал во весь рост. Крикнул озорно, по-мальчишески: — Эй, на шкуне, спускай трап! Гости, из погранотряда!

В ответ послышался только торопливый стук босых пяток по доскам палубы. Но скоро и он смолк. Тихо.

— Эй, на шкуне! — крикнул еще раз Бриккер. Не дождавшись ответа бросил тихо гребцам: — Дай ходу. Вплотную подойдем.

Вельбот мягко царапнул бок шкуны. Что-то мокрое мазнуло Бриккера по лицу. Схватил рукой, — конец каната. Шепнул: — За мной, по канату, на шкуну.

Сам ухватился за канат и повис. Упираясь ногами в обшивку шкуны, подтянулся кверху. Добрался до борта. Пошарил левой рукой, ища, за что бы уцепиться.

— Берегись, анкерок! — крикнул вдруг испуганно снизу, из вельбота Кота.

Бриккер отдернул левую руку, шарившую по палубе. Но было уже поздно. Наверху, в снастях что-то треснуло и тяжелый боченок грохнул об палубу. Бриккер дико вскрикнул. Краем, обшитым железом, анкерок хватил его по кисти левой руки. Но правую руку не разжал, повис на ней. Качнулся в воздухе и тяжело перевалился через борт, на палубу шкуны. Вскочил на ноги и, забыв про разбитую руку, выхватил наган.

А через борт перекатывались одна за другой темные фигуры пограничников. Светляками вспыхнули карманные электрические фонари. Острые лучи разорвали тьму и уперлись в худое, обветренное лицо с ястребиным крючковатым носом.

Бриккер хрипло рассмеялся: — Здравствуй, Мавропулло, наконец-то встретились!

Кровь с разбитой руки Бриккера капала на палубу и темной лужицей расплылась на белых досках. Не мигающим, остеклявшимся взглядом уставился Мавропулло на эту кровавую лужу. И вдруг вскрикнул дико. Свет фонаря мазнул по лицу Коты.

— Кота, это ты?.. Ты предатель? Дьявол!

Свистнул в воздухе громадный металлический блок. Но Кота не даром хорошо знал своего бывшего хозяина. Подрубленным деревом рухнул он на палубу. Блок бултыхнулся в воду, где-то далеко за бортом.

Поднимаясь с палубы, Кота сказал: — Убить хотел? Врешь, не убьешь! А ты скажи, — зачем у тебя за иллюминатором фляга на шпагате привязана? А в фляге што? А?

Мавропулло задрожал и со стоном прислонился к мачте. Он понял, что толстые, полотняные конверты, запечатанные черными сургучными печатями с двуглавыми орлами, теперь попадут в руки Бриккера.

Мелькнула страшная мысль: — Вот и конец твой, Мавропулло...

И вдруг мягким упругим броском переброился к черневшему зеву люка. Наклонившись, крикнул дребезжаще: — Гей! Наверх!

Шесть темных теней вылетели из люка на палубу. Видимо, ждали зова. Окружили Мавропулло.

— Стой! Стрелять будем, — предупредил спокойно Бриккер. — А не то, ручной гранатой угощу.

Стукнули затворы. У люка не шевелились. Бриккер направил туда фонарь. Шесть рослых фигур топтались нерешительно на месте. Не то турки, не то греки. Широкие, свисающие шаровары, мягкие буйоловые опанки, на бритых головах грязные тряпки, бараньи папахи. Жмуря глаза от яркого света, косятся опасливо на дула карабинов пограничников.

Луч фонаря поймал лезвие ножа и заиграл ярким зайчиком.

— Бросай оружие! — приказал Бриккер.

Переглянулись. И звякая сталью, полетели на палубу ножи: кривые, как серпы, острые и длинные, как шилья. Брякнулись и два револьвера.

Последним сдал оружие Мавропулло. Протянул ближайшему пограничнику громадный кольт. Пошарил за поясом, вытащил нож и с силой бросил его об палубу.

— Убить хотел? Врешь, не убьешь!

Нож воткнулся острием в доску и долго дрожала его рукоять мелкой, как бы испуганной дрожью...

В порт пришли утром. Когда высадились на мол, Мавропулло дернул за рукав конвоира-пограничника и спросил робко:

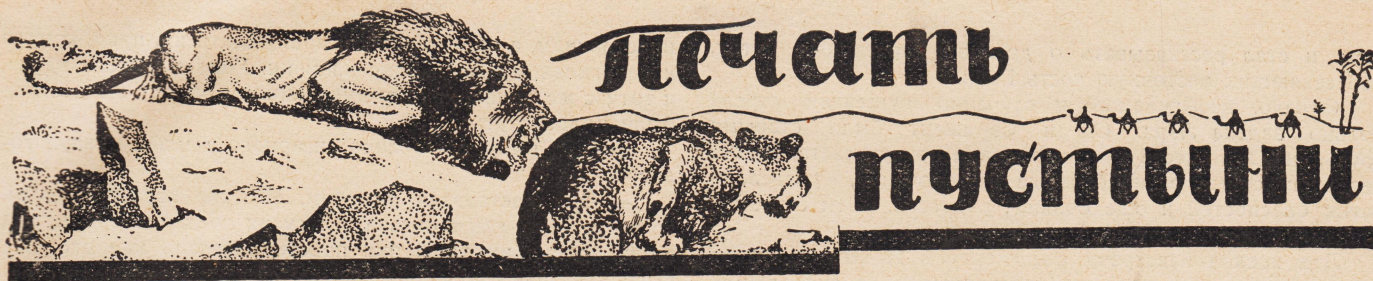
— Что мне дадут? Высшую меру дадут? К стенке, а? А конвоир, напрасно стараясь изобразить свирепость на своем добродушном, «танбовском» лице, крикнул:

— Иди, иди, грецкая губка! Не разговаривай! Припаяют тебе теперь, контра-банда паршивая. Двигай!

Запылили в гору, к штабу. В это время всплыло солнце. Ухнул первый копер, словно прочищая горло после сна заревела сипло сирена, на немце-угольщике заворчала в клюзе якорная цепь.

Трудовой день порта начался.

(Рассказ ЧАРЛЬЗА БУТС).

— Да, — сказал Карл Витман, скупое роняя слова, — я вывез его из пустыни Гоби. Глаза у него из рубинов. Как видите, камни чистой воды.

Он передал превосходно сделанного восточного божка собравшимся вокруг него восторженным пассажирам. Все принялись рассматривать редкостную вещицу с тем безотчетным уважением к Витману, которое заурядные люди всегда испытывают к исследователям неведомых стран.

Витман случайно упомянул в беседе со своими пароходными спутниками об этом идоле, на второй день после отплытия из Иокогамы. Но затем, как бы спохватившись, он резко оборвал разговор. Несмотря на общий интерес, вызванный его упоминанием, он продолжал хранить упорное молчание, и только на следующее утро пассажирам удалось упросить его принести идола в курительный салон.

Идол оказался маленькой медной фигуркой, похожей на изображение Будды. Однако, лицу божка не доставало спокойного бесстрастного выражения, а положение всей фигуры несколько отличалось от обычной позы Будды. В загадочных чертах его лица затаилась какая-то злоба. Руки и ноги идола странно между собою переплетались. Но какое бы религиозное верование ни воплощала эта фигурка, художественность ее работы была вне всякого сомнения. Ее поверхность была покрыта очаровательной зеленой патиной, т.-е. особым налетом, который придает медным и бронзовым изделиям длительное пребывание в земле. Вместо глаз были вставлены действительно редкие по ценности и красоте рубины. Они, казалось, сообщали всей металлической фигурке ту странную нечеловеческую жизнь, которой она, очевидно, должна была обладать по замыслу ее творца.

— Не правда ли, Витман, — с восхищением воскликнул один из зрителей, толстяк Уэссельс, — эта вещица стоит целое состояние!

Витман промолчал. Высокий, широкоплечий, обычно молчаливый блондин с суровым, непроницаемым выражением лица, этот человек производил впечатление чего-то внушительного и непреклонного, что невольно всегда заставляло ожидать от него какого-нибудь неслыханного поступка. Недавно он отважно проник вглубь пустыни Гоби, чем вызвал восторг всего цивилизованного мира.

Во главе этой экспедиции стоял известный исследователь, профессор Джон Сэрджент. Газеты и журналы одно время переполнены были известиями о гибели всей экспедиции, но эти сообщения оказались преждевременны. Пропавшие исследователи, как сообщали последние телеграммы, были найдены специально посланным за ними отрядом, которым руководила дочь профессора, Констанция. И выяснилось тогда, как на краю безводного пустынного плоскогорья, в царстве злобных ветров, палящей жары и ужасного холода, разыгралась полгода тому назад одна из тех страшных трагедий, которые с трудом можно передать словами.

Может быть, причиной послужило здесь тоскливое уныние одичалой местности или устрашающие встречи с песочными смерчами, борздящими лицо пустыни, или же неожиданное бегство туземцев-носильщиков. Но как бы то ни было, оставался неизменным тот факт, что мужество Джона Сэрджента изменило ему в последний момент. Он пал духом, не решаясь идти дальше, и только Карл Витман бросил вызов смерти и отправился вглубь пустыни один!

— Через шесть месяцев, — сообщали дальше телеграммы, — Витман блестяще выполнил задачу своего путешествия и благополучно вернулся обратно. Он нашел бо-

гатые залежи золота, серебра и меди, разрешил ряд важных геологических и географических проблем и прибавил новую главу в книгу скудных сведений человечества о времени исторических передвижений на запад древних монгольских племен Азии.

Витман, как рассказывали дальше телеграммы, нашел Джона Сэрджента на краю пустыни, там, где он его оставил, оглашавшего унылое плоскогорье воплями безумия. Солнце пустыни выжгло его рассудок. Он скончался, все в том же состоянии помраченного ума, на руках у своей дочери, через два часа после того, как их нашел отряд.

Передав это известие, телеграфные провода замолкли, но зато заскрипели перья сотрудников периодических изданий.

Конечно, — говорили они, — Витман решился на отчаянное предприятие, но он превосходно с ним справился. Знакомые Витмана (друзей у него не было) заявляли, что он совершил именно такой замечательный поступок, на который они всегда считали его способным.

Едняя Сэрджент! Экспедиция в Гоби должна была бы стать завершением его безупречного жизненного пути, отмеченного многими ценными достижениями. Но сейчас его слава бесстрашного исследователя сразу померкла, и на воспоминание о нем легла грустная темная тень...

— Вы до сих пор как следует не рассказали нам, как вам удалось приобрести этого божка? — снова обратился Уэссельс к Витману. — Мы прямо-таки сгораем от нетерпения услышать эту историю. Я уверен, что в ней кроется что-то очень занимательное!

Витман небрежно стряхнул пепел своей сигары и отрывисто ответил:

— Нет, ничего особенного. Я немного сведущ в медицине и оказал небольшую услугу по этой части вождю одного встреченного мною в пустыне кочевого племени. Вождь настаивал на том, чтобы я принял от него этого идола. Вот и все.

В тоне заключительной фразы ясно чувствовалось нежелание Витмана продолжать этот разговор.

Никто не успел еще высказать удивление по поводу такого прозаического объяснения, как на пороге курительного салона показался молодой человек с полуседыми волосами и озабоченным лицом.

— Идите-ка сюда, Лэд! — суетливо размахивая руками, крикнул Уэссельс. — Здесь есть кое-что по вашей части. Витман показывает нам своего медного божка.

Приглашающим жестом Уэссельс пододвинул новому пришельцу свободное кресло.

Питер Лэд принадлежал к числу с виду невзрачных, бесцветных людей, за скромной, скорее отрицательной внешностью которых таится блестящий разносторонний ум. Он считался одним из лучших знатоков восточных религий.

Лэд взял в руки протянутого ему Уэссельсом божка и стал пристально его рассматривать. В его темных глазах промелькнуло выражение живейшего интереса, тотчас же сменившегося грустью; его тонкие пальцы конвульсивно сомкнулись вокруг прекрасно изваянной фигурки. Затем он возвратил ее Витману. Витман небрежно опустил идола в карман пиджака.

— Говорят, что дочь Сэрджента возвращается с нашим же пароходом, — конфиденциально заметил Уэссельс. — Она, повидимому, проявила больше мужества, чем ее отец?..

Командир «Люцерны», капитан Лойд, находившийся тут же, поспешил тактично перевести разговор на другую

тему и стал рассказывать о древних караванных путях, пересекающих восточную часть Гоби.

Однако, необдуманно и случайно пущенная стрела больно задела Лэда. Он и Сэрджент были старыми друзьями. Они вместе путешествовали вокруг света, вместе пережили самые разнообразные приключения, разделяли сотни опасностей и еще больше, радостей. Эти скитания спаяли их тесной дружбой на всю жизнь.

Лэд поехал навстречу Сэрдженту в Йокагаму, чтобы приветствовать его успешное возвращение из экспедиции. Странная, почти невероятная трагедия смерти друга глубоко потрясла Лэда. Если бы Сэрджент умер так же, как и жил, в борьбе за намеченную цель, это было бы не так тяжело. Но то, что случилось... казалось странным и непонятным.

По дороге в курительное помещение Лэд заметил на палубе Констанцию Сэрджент. Съездившись в низком складном кресле, поставленном в укромном уголке, чтобы избежать порывов ветра и любопытных взглядов прогуливавшихся пассажиров, она горько плакала. Все ее долго сдерживаемое горе внезапно вырвалось наружу.

— Я не в силах этого выдержать дольше! — воскликнула она, когда Лэд опустился в соседнее кресло. В ее выразительных глазах сверкнуло то упорство воли, которое привело ее на край пустыни в поисках исчезнувшего отца.

— Отец был в пустыне! Я так же твердо верю в это, как и в то, что я существую. Он побывал в ней и вернулся обратно! Вы тоже знаете это!

Лэд побледнел.

— Дорогая Констанция, — мягко возразил он, — мы должны считаться с фактами. Слова Витмана, его материалы, его дневник...

— Я не верю вашим фактам, Лэд! Я знаю, знаю, — горячо повторила Констанция. И вот вам еще одно доказательство: печать пустыни. Человек не может посетить ее, — а я убеждена, что отец сделал это, — и вернуться оттуда таким же, каким он был раньше. Пустыня завладела его жизнью и наложила свою печать на его тело! Вы поняли бы мои слова, если бы вы видели его умирающим на моих руках! Что-то произошло там, на краю пустыни, и мы с вами должны разгадать это!

Лэд глубоко задумался и поглощенный словами Констанции спустился вниз.

... Разговор в курительном салоне все еще вертелся вокруг различных подробностей экспедиции.

— Шен-си очень ревниво оберегают своих божков, Витман. Очевидно, вы им внушили большое доверие, если они позволили вам взять этого идола.

Все присутствовавшие любопытно прислушались к спокойно брошенному Лэдом замечанию.

Во внезапно наступившей тишине четко прозвучал ответ Витмана.

— Да, конечно. Вы это верно угадали.

— Ну, еще бы вы, Лэд, не знали всего, что касается этих дикарей! — убежденно вставил Уэссельс. — Мы тут до вашего прихода никак не могли уговорить Витмана рассказать нам его приключение, связанное с этой вещью. Может быть, вам удастся победить его скромность?

Витман мягко улыбнулся.

— Я предложил бы лучше Лэду познакомить нас с тем, что ему известно о Шен-си. Я уверен, что его сведения гораздо полнее моих.

Высказанное Витманом уважение к научному авторитету Лэда было встречено общим одобрением.

— Валийте, Лэд! — одобрительно прогремел капитан. — Мы слушаем...

— Гаррисон побывал в пустыне Гоби в 97 году, — начал Лэд, — читали вы его книгу?

Витман отрицательно покачал головой и нагнулся вперёд с заинтересованным видом.

— Вам бы следовало познакомиться с нею. Гаррисон говорит о религиозных церемониях этих Шен-си, среди которых вы жили. Конечно, вы знаете об этом гораздо больше того, что я могу рассказать. Иначе вы не раздобыли бы вашего идола, потому что Гаррисон сообщает о странном обычае Шен-си: предлагать попавшим к ним

иностранцам, а иногда даже и принуждать их, приобщиться к религиозному верованию племени. Увидев вашего идола, я тотчас же понял, какому диковинному обряду вы должны были подвергнуться...

Витман выпустил облако сигарного дыма и кивнул головой.

— Они настаивали на этом. Что же касается идола, то после того, как я оказал услугу их предводителю и, для виду, принял их веру, они просто навязали мне его. Все эти примитивные племена, как вы сами знаете, очень стремительны и настойчивы и во вражде и в дружбе — Витман улыбнулся. — По правде я чувствовал себя в довольно глупом положении. Вот почему я так мало рассказал об этом. К тому же, по вполне понятным причинам, я избегаю затрагивать в разговоре всего, что напоминает о Сэрдженте.

Лэд молчаливо согласился и медленно, как бы подбирая слова, обратился к остальным слушателям:

— Татуирование часто входит в ритуал языческих племен. Мистер Витман подтвердит вам, что все взрослые мужчины Шен-си имеют на правой руке знак своего племени — вытатуированное изображение божка. И каждый иноземец, если он желает овладеть их доверием и дружбой, делает вид, что разделяет их обычаи и верования, должен подчиниться той же любопытной традиции. Поэтому, — Лэд быстро вскинул свой взгляд на путешественника, — я хочу попросить мистера Витмана, показать нам изображение этого интересного маленького божка, которое должно находиться на его правой руке.

Наступило минутное молчание. Витман провел ладонью по верхней части своей правой руки.

— Да, оно здесь. Но я вовсе не намерен выставлять его для общего обозрения.

— Очень жаль, — холодно отозвался Лэд. — Я надеялся, что вы не откажете нам в этом.

Глаза Витмана потемнели от гнева.

— Вы, конечно, не сомневаетесь в истине моих слов?

— А почему бы мне сомневаться? Ведь вы сами подтвердили правильность моего предположения.

— Полно, Лэд! — вмешался капитан Лойд. — Витман был и так уже достаточно любезен, показав нам эту вещь, и мы не имеем ни малейшего основания приставать к нему с дальнейшими просьбами.

В наступившей паузе общего легкого замешательства Лэд молча встал и поднялся на палубу.

В тот же вечер, перед заходом солнца, Витман, стоя около ведущей вниз лестницы, оживленно беседовал о чем-то с двумя пассажирами. Лэд внезапно появился на палубе и направился к ним. Витман холодно ответил на приветствие Лэда. Оба собеседника последовали его примеру.

— Я хочу, — отрывисто произнес Лэд, — чтобы вы разрешили мне взглянуть на этот вытатуированный знак. Он меня крайне интересует.

Витман возмущенно поднял брови и ответил с едкой иронией:

— Вы в самом деле настолько заинтересовались, что становитесь невежливы. Надеюсь, что вы больше не будете возвращаться к этой теме.

Лэд молча прошел дальше.

Когда он на следующее утро появился в курительном салоне, его встретили тем смущенным молчанием, которое всегда возникает при виде человека, только что бывшего предметом общего разговора. Лэд приблизился к Витману и, словно вчерашний отказ последнего не произвел на него никакого впечатления, спокойно сказал:

— Я надеюсь, Витман, что вы переменяли ваше решение и покажете мне ваш знак.

Все оцепенели от удивления.

— Долго ли вы намерены продолжать это? — воскликнул Витман, задыхаясь от бешенства.

Лэд слегка покраснел, чувствуя на себе презрительные и враждебные взгляды всех присутствующих, но с видимым спокойствием ответил:

— Я терпелив. Мы придем в порт не раньше, чем послезавтра.

Повернувшись к двери, он услышал за своей спиной едва сдерживаемые негодующие замечания сторонников Витмана.

В тот же вечер, встретившись с Витманом с глазу на глаз на палубе, Лэд опять повторил свое странное предложение. Лицо исследователя побагровело и его суровые глаза взметнули колющие искры. Он, казалось, был потрясен до глубины своего существа и, ни слова не ответив, удалился в сгушавшийся сумрак.

На следующее утро, среди настороженного молчания курительного салона, этот необычный поединок возобновился в еще более повышенном тоне. Витман оборвал его, резко вскочив со своего кресла и стремительно выбежав кверху.

Днем всех невольных свидетелей странного поведения Лэда охватило смутное ощущение, что непонятная дуэль достигла своего апогея. Но вечером события приняли совершенно неожиданный поворот. Лэд приблизился к карточному столу, за которым Витман играл с двумя партнерами в покер, и резко спросил:

— Я полагаю, что вы не изменили вашего решения?

Витман положил свои карты на стол и снисходительно улыбнулся.

— Нет, я его изменил.

Лэд окаменел от неожиданности. Он ждал, с видом человека, которому нанесли тяжелый удар.

— Никакая причина в мире не заставила бы меня сделать это — надменно продолжал Витман. — Мои новые знакомые (он указал взглядом на окружающих) убеждали меня не уступать вашим надоедливим приставаниям. Но так как вы, повидимому, намерены создать у всех впечатление, что я лжец и обманщик, то я решил в корне пресечь ваши старания и исполнить то, что вы мне предлагаете, но с одним условием.

— Назовите его! — хрипло произнес Лэд.

— Вы должны будете публично извиниться передо мной, когда убедитесь в своей неправоте.

После недолгого, томительного молчания Лэд ответил:

— Я согласен.

— Приходите через час в мою каюту — небрежно бросил Витман.

Лэд стоял на носу «Люцерны», смотря отсутствующим взором в темноту безднуной ночи. Его лицо отражало резкое волнение и недоумение. Легкое прикосновение

чьей-то руки внезапно вывело его из глубокой задумчивости: он увидел рядом с собой Констанцию Сэрджент.

— Мы приплываем завтра ночью, — прошептала она дрожащим голосом, — неужели вы ничего не узнаете?

Лэд взял ее за руку.

— Терпение, дорогая. Много может произойти в ближайшие 24 часа...

... В каюте Витмана Лэд нашел ряд новых друзей исследователя и самого капитана парохода.

— Помните о моем условии, Лэд, — с этими словами Витман медленно засучил сверху правый рукав рубашки. На загорелой коже его мускулистой руки, несколько ниже плеча, был вытатуирован крошечный божок, поразительно похожий на вывезенную из пустыни медную фигурку!

Громкий голос капитана разорвал повисшее в каюте мертвое молчание:

— Глубоко сожалею, что вы зря заварили такую кашу, Лэд. Извинитесь-ка лучше и ликвидируйте эту неприятную историю.

Лэд не ответил. Он пристально смотрел на голубоватого божка на руке Витмана и, казалось, был в еще большем недоумении, чем час тому назад. Все взгляды были обращены на него. Витман спустил рукав и надел пиджак. Он торжествующе усмехался. Кто-то нетерпеливо кашлянул в знак ожидания.

— Мне не в чем — извиняться! — произнес, наконец, Лэд.

Витман побагровел и стремительно шагнул вперед. Капитан удержал его за руки и с негодованием обратился к Лэду.

— Что вы хотите этим сказать?

— Это не божок племени Шен-си — возразил Лэд. — Не они выгравировали это изображение на руке Витмана! Витман побледнел как мертвец. Его занесенные руки бессильно опустились. Он весь задрожал.

— Отдаете ли вы себе отчет в том, что вы сказали! — крикнул капитан.

Лэд холодно кивнул головой.

— Я хочу сказать Витману несколько слов наедине.

Лэд один сохранил хладнокровие среди охватившего всех смятения. Растерянно повинаясь ему, все двинулись в коридор, как участники погребального шествия, и закрыли за собою дверь.

Через некоторое время дверь снова открылась и на ее пороге показался Лэд.

— Завтра ровно в полдень, Витман! — заявил он угрюмому, подавленному человеку, который лежал ничком на койке, сбросив маску своей надменной непроницаемости. — Ни минутой позже.

Лэд захлопнул дверь и отправился в свою каюту.

Лэд внезапно проснулся среди ночи. Заработавшее сознание наполнилось ощущением притаившейся где-то рядом опасности. Настороженно прислушавшись, он не мог различить никаких других звуков, кроме всплеска моря и безостановочного ритма пароходных машин.

Он не был трусом и не обладал чрезмерным воображением. Но навязчивая тревога стала, наконец, такой неотступной, что он сбросил одеяло и встал, выпрямившись и впиваясь глазами и ушами в окружающий мрак. Быстро нагнувшись, он нащупал под койкой свой чемодан, неслышно приоткрыл его и вынул оттуда небольшой дорожный револьвер.

Прошло несколько минут. До его слуха донесся едва уловимый звенящий звук поворачиваемой ручки двери. Думая застичь своего таинственного посетителя врасплох, Лэд ринулся вперед и, сжимая в руке револьвер, широко распахнул дверь. Какая-то, показавшаяся Лэду в темноте громадной, человеческая фигура стремительно нырнула в каюту и, прежде чем Лэд успел направить на нее свой револьвер, набросилась на него. Но Лэд во время заметил блеснувшее лезвие занесенного ножа и отскочил в сторону. Нож вонзился в край его пиджамы, на волосок от

Медленно засучил правый рукав рубашки.

его руки. Нападавший вторично замахнулся, Лэд отпрянул назад и быстро нажал курок. Раздался выстрел. Рука с занесенным ножом на мгновение замерла в воздухе, послышался глухой стон и, описав нелепый полукруг, незнакомая фигура подломилась и тяжело рухнула на пол.

Настало мертвое молчание... Лэд повернул выключатель. Поперек каюты лежал Витман. Торопливый топот бегущих ног и тревожные выкрики сбежавшихся пассажиров наполнили ночную тишину парохода. Лэд послал за копитаном и доктором, наклонился над Витманом и растегнул его рубашку — на груди зияла большая рана. Рот Витмана конвульсивно и кривился, во взгляде застыла боль и ненависть.

— Что случилось, Лэд, кто стрелял? — Капитан и доктор опустились на колени перед раненым.

— Он пытался заколоть меня. Я должен был... — задыхаясь произнес Лэд.

— Он что-то хочет сказать! — вмешался доктор. — Ему осталось жить несколько минут...

Все напряженно склонились над умирающим.

С трудом шевеля губами, Витман хрипло выдал:

— Я не был в пустыне... не мог... это сделал Сэрджент... Он вернулся... при смерти. Я взял его бумаги... Лэд... Глаза Витмана злобно впелись в человека, проникшего в его тайну, и внезапно потускнели...

Несколько времени спустя Лэд вошел в капитанскую каюту.

Человеческая фигура стремительно нырнула в каюту.

— Медный божок принадлежит Констанции Сэрджент. Это — ее наследство. Позаботьтесь о целостности его, пока судебные власти не вручат его ей.

Я не знаю, как попал он в руки Джона, — очевидно Джон получил его в обмен за свою врачебную помощь от какого-нибудь кочевого племени, для которого этот божок не представлял никакого религиозного значения. Потому что эта фигурка — просто символ местного, монголами искаженного китайского буддизма.

Капитан удивленно раскрыл глаза.

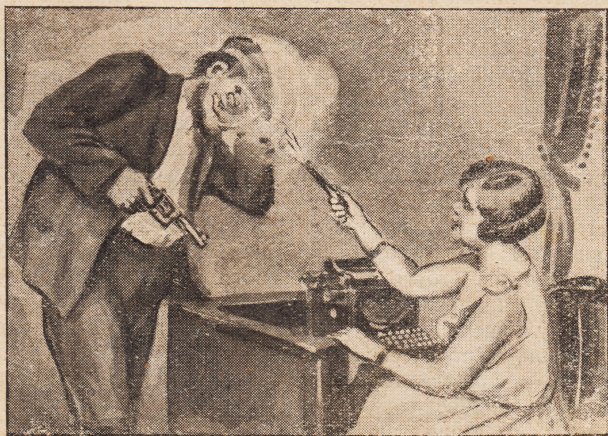
— Вы забыли про Шен-си. Ведь это их подарок!

— В нашем разговоре наедине я добился от Витмана полного признания, — сказал Лэд. — Убедившись, что он попался в расставленную мною ловушку, он рассказал мне всю правду. А потом, чтобы спасти свою тайну, он пытался убить меня. Оказывается, он отыскал среди вашей команды опытного туземца-татуировщика, который согласился за 100 долларов наколоть на его руке голубого божка. Поступив так, Витман запечатлел на своем теле доказательство своего преступления и вместе с тем мужества Сэрджента.

Лэд серьезно улыбнулся.

— Истина порой бывает уклончива, капитан, и мы иногда постигаем ее окольным, обманным путем. Я мог восстановить доброе имя моего любимого друга и спокойствие его дочери лишь подобным способом. Шен-си и их диковинный обычай существуют только в моем воображении, что, было бы известно Витману, если бы только он, а не Сэрджент, побывал в пустыне Гоби.

„ГАЗОВОЕ“ ПЕРО.

Новое самопишущее перо, столь безобидное по своему виду, теперь превращено американцами в надежное средство защиты против грабителей и бандитов.

Это перо снабжено в своем стволе особым „газовым“ патроном и при нажатии специальной кнопки действует как газовое ружье. Жертва такого выстрела разом становится совершенно беспомощной уже на расстоянии двух саженей. Газ не ядовит, он только временно одурманивает, но не убивает. Самый патрон практически тот же самый, что и в газовых ружьях у полицейских во многих американских городах.

Новое оружие благодаря своему полному сходству с обычным самопишущим пером позволяет им действовать верно и неожиданно.

ИЗ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОШЛОГО

ДЕВОЧКА КАТОРЖАНКА

Летом 1878 года, в царствование Александра II, одесский военно-окружный суд разбирал дело группы революционеров из 5 мужчин и 3 женщин. Они обвинялись в вооруженном сопротивлении жандармской полиции при производстве обыска на квартире. Главный обвиняемый, Иван Ковальский, был приговорен к смерти, остальные — на каторгу и ссылку в Сибирь.

Вся Одесса глубоко взволновалась этим делом. Не только члены маленьких в то время революционных кружков, но и громадные толпы народа окружали здание суда, ожидая приговора над Ковальским и его товарищами.

Когда суд объявил приговор, кто-то из публики высунулся из окна здания и махнул красным платком: «Смертная казнь!» В толпе начались крики, рыдания, друзья осужденных призывали толпу напасть на конвой и силой освободить осужденных. Вызванные войска и полиция произвели несколько залпов, убив двоих и ранив 15 человек демонстрантов.

Толпа разбежалась, начались аресты.

Вечером, на приморском бульваре Одессы опять стали собираться толпы народа. Появились и революционные ораторы. На садовую скамейку вскочила маленькая девочка и взволнованным, страстным голосом, прерываемая плачем, произнесла речь о том, что царские судьи хотят повесить Ковальского только за то, что он желал добра народу.

Стоявший недалеко офицер граф Сиверс арестовал маленькую ораторшу и хотел передать ее полиции, но девочка ударила его по щеке и крикнула, что он сам принадлежит к своре злых царских палачей. Толпа на-

рода бросилась на офицера, освободила арестованную и помогла ей скрыться.

Однако, скоро полиция дозналась, что говорившая на бульваре девочка была Виктория Гуковская, 13 лет, ученица одной из одесских школ. «Шпики» усиленно разыскивали ее в течение месяца по всему городу.

За это время был публично повешен Иван Ковальский. На белый террор правительства революционеры ответили красным террором. Первым поплатился ближайший помощник царя, начальник всех жандармов, генерал Мезенцев. Среди бела дня его заколол на улице кинжалом известный русский писатель, Степняк-Кравчинский.

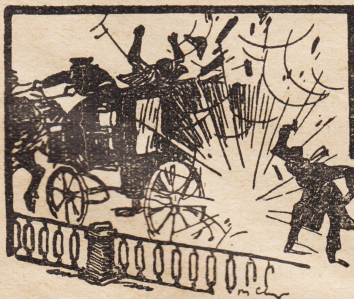
Наконец, полицейским ищейкам удалось розыскать и схватить Гутковскую на одной из одесских улиц. Русские революционеры в те далекие годы еще плохо знали дело конспирации (уменьше тайно действовать и скрываться от полиции). Вместе с другими южно-русскими революционерами Гуковскую предали военному суду, который и приговорил 5 человек к смерти, а 13-летнюю Гуковскую — к ссылке на вечное поселение.

Отправленная в далекую Сибирь девочка-арестантка в течение двух лет переправлялась из тюрьмы в тюрьму, пока не попала в гор. Красноярск. Здесь Виктория Гуковская почувствовала себя особенно тяжело. Революционеров в России было тогда очень мало, политические арестанты редко встречались в тюрьмах. Понятно, как тяжело было Гуковской сидеть в тюрьме два слишком года среди уголовных каторжан и под вечным надзором свирепых смотрителей и надзирателей.

Чуткий ребенок не выдержал тюремных мучений и 1 марта 1881 года Виктория Гуковская повесилась в Красноярской тюрьме. Как раз в тот же день в Петербурге на Екатерининском (ныне Грибоедовском) канале народовольцы убили бомбой царя Александра II.

Так в один день погибли и всесильный русский царь и замученная его палачами девочка, виновная лишь в том, что горячо любила свой народ и не могла спокойно слышать о повешении человека, работавшего для блага того же народа.

А. Черновский.

В МИРЕ ЖИВОТНЫХ

И ЖИВОТНЫЕ СТРАДАЮТ
ОТ ЗУБОВ

КОГДА доктора зовут в зоологический сад, он уже заранее знает, что его пациенты замучат его не столько работой над их болезнями, сколько своими отчаянными сопротивлениями лечить их. Приходится одного обманывать лакомой пищей, другого доводить до полного изнеможения, третьего заставлять силой и т. д.

Когда начал страдать, напр., зубной болью Педди, молодой слон в Нью-Йоркском зоологическом саду, то доктору пришлось позвать на помощь несколько ассистентов, чтобы извлечь у него коренной зуб, величиной с тот шар, который употребляется при игре в гольф.

Пришлось повозиться и с другим малюткой аллигатором в Лондонском зоологическом саду, который сломал

себе зуб, пробуя его крепость о камень. Извлечение зуба не заняло столько времени, сколько ушло на преодоление его отчаянных сопротивлений.

У пеликана было больное горло и он широко раскрывал свою глотку, чтобы принять лекарство, но принять его не хотел. Пришлось силком сжать ему клюв и держать его в этом положении, пока лекарство не прошло через все его больное горло.

ЖИЗНЬ ПРИЧУДЛИВЕЕ СКАЗКИ

В окрестностях Сан-Франциско (на юге Соединенных Штатов Америки) существует особая океанологическая станция для исследования морской глубины и ее обитателей. К наиболее ценным животным этой станции принадлежит огромная акула, которая так долго прожила на станции, что стала наполовину, так сказать, «ручной». В честь своего знаменитого президента американцы называли эту акулу «Вильсоном».

Вильсон всегда пользовался отличным здоровьем, но вдруг его стала мучить отчаянная зубная боль. Нужна была операция, чтобы удалить больной зуб. А так как Вильсон сам пойти к врачу не мог, то пришлось отправить врача к нему в воду. Правда, пришлось для благополучного исхода задуманной операции изобрести для Вильсона особый намордник, железную раму, в которую он мог просунуть свою огромную голову. В полном водолажном костюме спустился к акуле врач и, при особом электрическом освещении, удалил «страдалице» больной зуб.

Жизнь часто занятнее и красочнее сказки! Не правда ли, читатель?

кино-трюки

Популярный очерк Вл. Д.

Конечно, вы не раз бывали в кино и не раз задавали себе вопросы, как создаются те головокружительные трюки, которые заставляют нас замирать от страха или поражаться необычайной отваге и ловкости кино-артистов.

И, действительно, как тут не удивляться, когда на наших глазах человек взбирается, цепляясь за украшения фасада, на огромный небоскреб, бросается с его крыши на мостовую, но остается жив и невредим. Так же весело удирает бродяга, которому за минуту до того отрезало обе ноги автомобилем. А дальше, какой-то молодец одним прыжком выскакивает из моря на высокий скалистый берег, мраморная глыба сама по себе превращается в прекрасную статую и т. д. Да всего и не перечтешь!

Посмотрим же, как создаются эти хитрые трюки, как просто они, зачастую, делаются.

Возьмем, напр. увлекательный фильм «Лилипуты в лондонском ресторане». Путешественник заходит в кафе и садится у окна. Ему подают кружку пенного пива, из которой вдруг вылезает маленький матрос, ростом около 15 сантиметров, прыгает на стол и начинает чистить свою трубку, постукивая ею о блюдо. Матрос подходит затем к сыру, более высокому, чем он сам и извлекает из него такого же роста девицу, с которой и вступает в оживленный разговор. А путешественник настолько ошеломлен, что безмолвно и неподвижно смотрит на всю эту сцену.

Конечно, лилипутов играли здесь живые артисты, такого же роста, как и путешественник. Все дело лишь в том, что артиста-путешественника снимали аппаратом на близком расстоянии, примерно в двух саженях,

тогда, как моряка с девушкой отделили от аппарата саженей на двадцать. Понятно, что изображения отдаленных предметов получились значительно уменьшенными, ибо всякий предмет на дальнем расстоянии всегда уменьшается в своих видимых размерах. И конечно, матрос с девушкой выходили из кружки и сыра, которые по своей величине соответствовали их естественному росту. Но, ведь, и кружка с сыром точно также снималась с того же отдаленного расстояния.

Рассмотрим теперь другой захватывающий трюк. Перед зрителями обычного размера бутылка и в ней танцует и гримасничает маленький чертенок. Крошечная фигурка чорта нам теперь уже понятна, но только, как угодил он в самую бутылку? Если вы предположите, что живого, обыкновенного артиста запрятали в огромную, специально для этого трюка сделанную бутылку, то ошибетесь. Здесь обычную бутылку сфотографировали вблизи, а артиста, игравшего роль чорта, отдельно засняли издали. Затем эти два полученных изображения наложили друг на друга и получили в результате чертенка, который вертится в бутылке. Этот прием и называется поэтому, двойным печатанием.

Способом двойного печатания очень широко пользуются при создании всевозможных трюков. Он дает возможность изобразить, напр., «магические сцены» с по-

явлением духов, привидений и т. д. Вот средневековая пьеса, где на зубчатой крыше замка встречается в полночь отважный рыцарь со своей возлюбленной. Уютное воркование этих двух любящих сердец прерывается вдруг появлением огромного духа; рыцарь идет ему навстречу, но привидение расплывается в воздухе и т. д. Мы уже знаем теперь, что роль огромного привидения исполнял, конечно, обыкновенный артист, но только снятый на более близком расстоянии. Вопрос лишь в том, как получен призрачный облик привидения, каким путем оно медленно расплывается в воздухе? Объяснение простое. Были сделаны два снимка. Первый снимок изображал зубчатую крышу замка, где выступали рыцарь и его возлюбленная. Второй же снимок с привидением был сделан отдельно; призрачность его появления была достигнута просто неполной выдержкой съемки, так, что камни зубчатой стены ясно виднелись через облик привидения. В итоге два снимка накладывались друг на друга и получалась желательная сцена с появлением духа.

В свое время пользовалась огромным успехом картина «Приключение с автомобилем». Изображала она рабочего, который «навеселе» возвращался домой и, шатаясь из стороны в сторону, выписывал по улице всевозможные «вавилонны». Наконец, он укладывается вздремнуть посреди дороги. В это время к нему быстро приближается автомобиль и, не заметив спящего гуляки, переезжает его и отрезает ему обе ноги выше колен. Спящий приподы-

Чорт в бутылки.

Подмена артиста дублером.

мается и видит, к своему глубокому изумлению, что его нижние конечности валяются по дороге. Перепуган и шоффер, но спокойно относится к несчастному скучаю один только седок-врач. Он выходит из автомобиля, поднимает обе отнятые ноги, приставляет их на прежнее место,

помогает недавнему калеке встать на ноги и, пожав друг другу руки, они расходятся в разные стороны.

Объясняется эта картина очень просто. Нашли безногого калеку и возможно более похожего на него артиста, которого еще добавочно загримировывали так, чтобы он в точности походил на инвалида, своего заместителя или дублера. Артист и разыгрывал пьяного, укладывавшегося спать на дороге. Автомобиль медленно подъезжал к лежащему и косался его ног шинами в нужном месте. В этот момент, по особому сигналу, аппарат делал «остановку», т.е. переставали вертеть его ручку. Затем на место артиста укладывали инвалида, как заместителя или дублера; две искусственных ноги приставлялись к обрубкам калеки. Автомобиль отводили на прежнее исходное место, откуда он и трогался снова по своим прежним следам. Когда машина развивала достаточную скорость, съемка начиналась вновь. Автомобиль резко наталкивался на спящего и срезал ему обе ноги, т.е. в действительности, наезжал на болванки и отбрасывал их на дорогу. Гуляка с ужасом смотрит на отделившиеся члены, но к нему подходит врач и прикладывает отрезанные ноги к туловищу дублера. В этот момент съемка еще раз приостанавливается.

Карабкаются на крышу дома.

Артист возвращается и занимает место калеки, которого сажают на тележку и увозят. Артист и доводит до конца всю оставшуюся часть действия.

«Остановка» и «подмена» — вот приемы создания таких и сходных трюковых картин. Этими приемами широко пользуются при «магических» или «волшебных» фильмах. Появляется в комнате маг и, прикоснувшись рукой стола заставляет его исчезнуть. Он властно указывает на кресло и кресла как не бывало. Понятно, что здесь перестают вертеть ручку и закрывают аппарат в тот самый момент, когда волшебник касается стола. Артист же остается неподвижно в той же самой позе, пока стол не унесут со сцены. Тогда вновь завертится ручка аппарата до нового момента уборки кресла и т. д.

В таких трюках, как отрезание автомобилем ног, киноартисты подвергаются, конечно, некоторой опасности. Здесь все зависит от ловкости шоффера и исправности машины. Вот почему не всегда благополучно кончались такие постановки, где не были заранее предусмотрены возможные технические промахи или неисправности. Так, напр., около Лондона инсценировалась картина злодейской подготовки крушения скорого поезда. Эту преступную работу замечает, однако, железнодорожный сторож, которого преступники живым привязывают к рельсам. Приближается поезд, который должен был, по уговору, замедлить свой ход и остановиться, чтобы живого человека успели заменить манекеном. На репетиции все сошло благополучно. Когда же началась сама съемка, то пошел дождь, мокрые рельсы стали скользкими; но машинист не учел этого нового обстоятельства и начал тормозить поезд на том же расстоянии, что и на репетиции. Паровоз раскатился по скользким рельсам и связанный — который в этом случае оказался самим предпринимателем — был раздавлен...

Впрочем, такие трюки ставятся ныне с полной безопасностью для артистов. Возьмем для примера все ту же

железнодорожную мелодраму, где адский замысел — вызвать крушение экспресса — раскрывается героиней, которая и пытается предупредить быстро приближавшийся поезд. Разбойники схватывают ее и избитую до бесчувствия кладут поперек рельс. В этот момент героиня приходит в сознание и машет свободной рукой. Этот сигнал замечает машинист (конечно, герой всей пьесы), но ясно видит, что он уже не в состоянии затормозить быстро несущегося на девушку поезда. Тогда из качегарки он пробирается на буфер паровоза и, нагибаясь вниз, подхватывает обреченную на смерть героиню в тот момент, когда поезд уже прикасается к ее платью.

Эта сцена производит настолько потрясающее на зрителей впечатление, что невольно заставляет подозревать подмену здесь живого человека манекеном. Но эта сцена обходилась без всяких чучел; мало того, поступок героя не требовал от него никакого мужества, а героиня не подвергалась ни малейшему риску. Весь напряженный ужас этой сцены был создан просто так называемым «обратным движением». Когда начали вертеть ручку аппарата, поезд в этот момент принялся тихо двигаться задним ходом. Герой наклонился с буфера и, держа героиню на руках, клал ее на рельсы, а затем выпрямился, шел задом вдоль паровоза и исчезал в качегарке. С помощью «обратного движения» последний снимок появлялся на экране первым, последовательность всей сцены оказалась перевернутой, так что зрители видели перед собой не опускание тела женщины и не откат от нее паровоза, а чудесное спасение героини.

Этот прием «обратного движения» лежит в основе и множества комических сцен, где самые будничные факты принимают в высшей степени курьезный вид. Мы видим, напр., как из ручной тележки выскакивают тыквы, взбираются вверх по крутому спуску и прыгают в окно второго этажа. В действительности же тыквы выбрасывались из окна второго этажа и, следуя законам тяжести, катились вниз к тележке; обратно вращалась только рукоятка аппарата. В том же духе трюк, представляющий, как из спокойной поверхности воды вдруг появляется пловец, делает без всякого разбега головокружительный скачек на набережную, где лежит его платье. Белье само летит к рукам пловца, который натягивает его странными телодвижениями и, наконец, уходит, пятясь от воды. Ясно, что аппаратом заснята была самая обычная сцена: приходил купальщик, раздевался и бросался в воду.

Все разобранные нами трюки не требуют, как видно, от кино-артистов особой храбрости и ловкости. Но ведь нужно же необычайное хладнокровие, чтобы влезть на крышу по высокому фасаду дома или взбираться на фабричную дымовую трубу? Увы, любой из нас и здесь способен на такой же подвиг. Нужно только стать на четвереньки и ползти по разосланной на полу декорации, изображающей фасад высокого дома или фабричную трубу. Артист ползет, а аппарат, помещающийся на лестнице у самого потолка, снимает его под известным углом так, что простое ползание принимает вид опасного гимнастического подвига. Словом, с помощью надлежащей установки аппарата и соответственного размещения декораций, человек может сначала войти в комнату, чтобы затем неожиданно влезть на стену и ползать по потолку, словно муха.

Теперь представим себе, что каждый оборот рукоятки у аппарата делает только один снимок. Такая дробная съемка позволяет передавать на экран самостоятельные движения стула, стола и других безжизненных предметов. Допустим, что на верстаке находится доска и рубанок. Делают один оборот ручкой, чтобы снять оба предмета. Входит столяр и, нажимая на рубанок, чуть-чуть толкает его вдоль доски и удаляется; новый оборот для съемки обоих предметов во втором положении; опять входит столяр, проталкивает вперед рубанок и уходит; третий оборот рукояткой и т. д. В итоге на картине рубанок сам собой строгает дерево.

На том же дробном фотографировании покоится и постепенное превращение глыбы мрамора или глины в изящную статую. Здесь место рубанка занимает лишь лепной материал, а место столяра — художник.

Конечно, мы не исчерпали сказанным всех трюков современного кино. В частности, мы умышленно опустили те из трюков, которые связаны с применением манекенов. Но ведь читатель и сам прекрасно знает, смотря на взрывающийся паромход или свергающийся в бездну автомобиль, что перед ним только подобия настоящих предметов, а не сами они.

ГОРОД БУДУЩЕГО

На грахи науки и мечты.

Много можно задавать вопросов о будущей судьбе большого города, но только на некоторые из них может быть дан точный ответ. А потому не принимает на себя полной ответственности за свои предсказания и американский физик Г. Гернсбек, дающий нам картину города через 50 лет. Однако, его взгляды на будущее столь обоснованы в научном отношении, что заслуживают подробного их рассмотрения

Какова будет наша жизнь через 50 лет—легче понять каждому из нас, если мы оглянемся на прошлое и посмотрим, какой была эта жизнь 50 лет тому назад.

В самых больших европейских городах последней новинкой были тогда конки, т.е. вагоны с лошадиной тягой, а путешественник мог пользоваться только тихоходными поездами и небольшими пароходами. Никто и не думал в то время об электрическом трамвае, а подводная лодка казалась осуществимой только в фантастических романах Жюль Верна. Возможность управляемого воздушного шара точно также считалась утопией, несбыточной мечтой, а про самолеты тяжелее воздуха никто и думать не смел. Цветная фотография и искусственные драгоценные камни служили только предметом фантастических предположений. В те времена неизвестен был даже обычный проводочный телефон, а беспроводное радио было настолько чуждо даже тогдашним физикам, что человека, который стал бы серьезно доказывать возможность беспроводной передачи звуков, безусловно упрятали бы в сумасшедший дом.

Представьте себе всю эту прошлую жизнь и учтите одновременно, что технический прогресс ускоряется теперь с каждым годом. Разве не можете вы рассчитывать, что увидите через 50 лет такие вещи, о которых в данный момент можно лишь мечтательно предполагать?

Большой город и его ближайшее будущее—является для американцев наиболее жгучей, злободневной темой. Американские большие города дошли в своем развитии до крайнего предела. Небоскребы достигли необычайной высоты и выглядят скорее огромными башнями, а не домами. Понятно

что улицы между ними стали узкими и темными щелями, которые в известные часы дня, по окончании работ, сплошь запружаются народом. В Нью Йорке управление пожарными частями вычислило, напр., что если вспыхнет большой пожар в одном центральном районе города, то, выбежавшие из домов, перепуганные люди поместятся бы на улицах только в несколько слоев друг на друга.

Развитие большого города может идти в двух противоположных направлениях. Один возможный путь связан с предположением, что в будущем усовершенствованные пути и средства сообщения позволят разрядить эту огромную и сжатую человеческую массу, распределив ее более равномерно по всей поверхности земли. Этот путь возможного возвращения к природе и оздоровления человеческого рода, легче всего осуществится при том предположении, что мы в нашем знании и использовании всевозможных видов энергии (особенно же атомной энергии) настолько уйдем вперед, что освободимся в нашей пище от растений и необходимого для него солнечного луча. Искусственное получение здоровой пищи упразднит огненные посевные площади, земля может вновь стать одним сплошным парком, в котором и устроится население, которое скучивалось раньше в огромных городах.

Г. Гернсбек не учитывает здесь, что в этом же на-

правлении город может развиваться и благодаря химическим методам будущих войн.

Американский физик допускает, однако возможность и другого пути развития, а именно, что большие города будут продолжать быстро расти попрежнему и тогда придется устранять особыми средствами все неудобства, связанные с дальнейшим ростом большого города. Наш рисунок и показывает, как представляет себе американский физик картину города через 50 лет. Одна улица на поверхности не удовлетворяет городского населения уже и в настоящее время, а потому мы видим на поверхности земли проложенные друг над другом четыре улицы. Ведь этих четырех улиц только еле-еле хватит, если дома

в будущих городах дойдут до сотни этажей. Как распределяется трамвайное и прочее движение по этим улицам, показывает рисунок. Любопытна догадка нашего физика о широком использовании пешеходами особых моторных роликов, которым предоставлена будет самая верхняя улица. Эти люди будущего не сами будут двигать ногами свои ролики, но к ним будет проведен особый ток по радио, который позволит развивать по улице умопомрачительную скорость. Вторая улица, как видно из рисунка, предоставлена трамвайному движению, третья — постоянно движущейся платформе, а четвертая — автомобильному или автобусному движению.

Кроме этих четырех улиц на поверхности земли (из которых три нижних, конечно, довольно темны), мы видим еще и под землей многочисленные подземные дороги для местного и дальнего сообщения.

Эти подземные пути сообщения дополняются воздушными путями для самолетов разной величины; перегруженность и воздушных путей точно также заставляет поддерживать определенных, строго очерченных линий.

Распределение энергии составляет предмет особого рассмотрения. Конечно, по мнению американца, через 50 лет вся работа будет производиться электричеством, но подаваться эта энергия будет только по радио. С этой целью наш предсказатель устраивает по земле целый ряд сверхрадиостанций, которые будут излучать миллионы и даже миллиарды киловатт. Различные потребители энергии (фабрики, поезда, моторные ролики и т. д.) снабжены будут особыми радио-приемниками, с помощью которых они и будут ловить необходимую им энергию прямо из пространства. Этот проект отличается, впрочем, больше своей новизной, чем целесообразностью. Ведь в этом случае огромное количество энергии было бы зря выброшено в пространство, тогда как энергетическое хозяйство будущих десятилетий должно быть расчетливым и безусловно не позволять себе подобных излишеств. Словом, о беспроводной подаче энергии для столь широкого ее использования говорить еще нельзя, если судить по настоящему положению этого дела.

Да и сам предсказатель не свободен от некоторых сомнений. Он предполагает, напр., что излучаемая в пространстве радио-энергия оставит на человеческом организме глубокий след. Радио-энергия совершенно освободит человека от головной боли, ревматизма и неврозности, превратив эти болезни в сказку былых времен. Но дело имеет и свою обратную сторону. Ведь эта же энергия необычайно содействует и росту; современные опыты над растениями убедительно доказывают, напр., что они начинают в этом случае расти в десять раз скорее. Если же и люди будущего последуют здесь примеру растений, то есть над чем призадуматься. Сам предсказатель указывает только, что в те времена шестилетний ребенок духовно и телесно будет развит так же, как нынешний 18-летний юноша. Но если люди удесятятся и в своей длине, что же тогда? Американец молчит. Но тем подробнее останавливается он на будущих постройках.

Здания будут строиться наподобие нашего термоса (термосной бутылки), чтобы летом быть прохладными, а зимой согреваться электрическими тепловыми источниками. Но только как обеспечить людям достаточный приток свежего воздуха? Американец хочет держать окна этих зданий постоянно закрытыми. Воздух, летом — прохладный, а зимой — нагретый, должен доставляться особыми вентиляторами. Радиоактивные излучения позволят нам управлять и погодой, распределять, по своему усмотрению, дожди и солнечные лучи.

Беспроволочное кино и беспроводная передача самых дальних изображений, конечно, сполна оправдываются уже и нашими изобретениями. Да и вообще многое из предсказаний американца безусловно получит осуществление. Не нужно только забывать, что действительная жизнь зачастую приносит нам больше фантастического, чем самое пылкое воображение.

И если удастся, напр., нашим физикам овладеть атомной энергией, то и будущая жизнь человечества может принять такой причудливый и широкий размах, который не снился даже самому прозорливому предсказателю.

Л. Д.

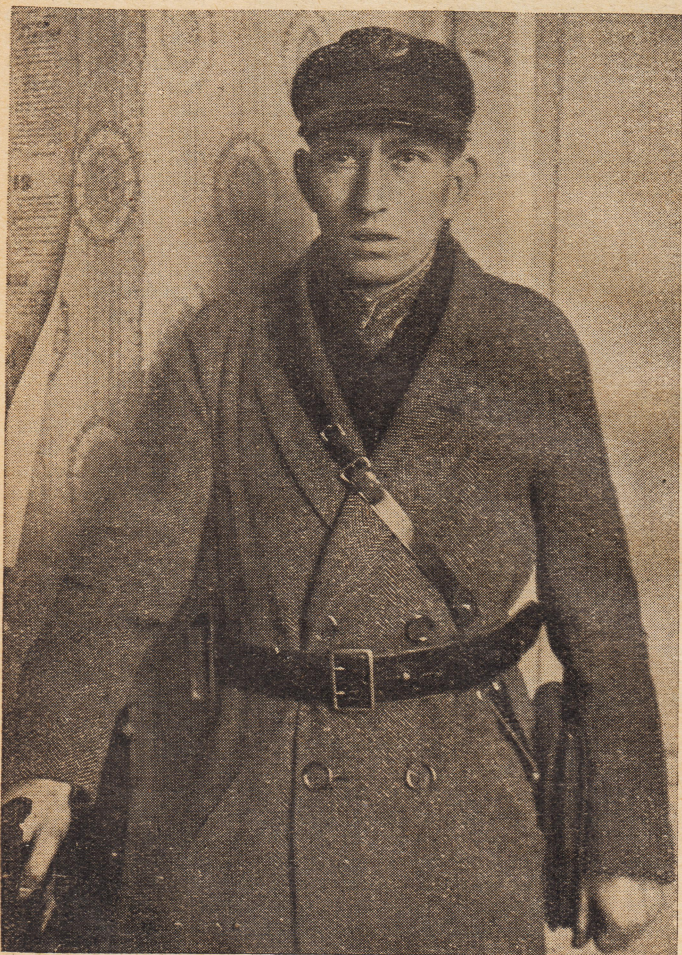
БЕЗ ГРОША В КАРМАНЕ

Ганс Бехль, конторский служащий из Вены, отправившийся 22 августа 1925 г. в кругосветное путешествие без копейки в кармане, в половине января нынешнего года добрался до Ленинграда. За это время он успел пройти „на своих на двоих“ 12.000 километров (по приблизительному подсчету 16.000.000 шагов!) и проехать 5.000 километров по железной дороге и на пароходах. Его контрольная книжка пестрит официальными печатями и отметкам на всевозможных наречиях всех пройденных им стран: Австрии, Германии, Швейцарии, Италии, Греции, Египта, Палестины, Турции, Малой Азии, Болгарии, Юго-Славии, Албании, Румынии, Венгрии, Чехо-Словакии, Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии.

В пути Бехлю пришлось пережить много любопытных приключений: на австрийской границе его арестовали и заставили переночевать на дворе, так как тюрьма оказалась переполненной до отказа. По Албании он шел в сопровождении жандармов, ибо вся страна находится во власти разбойничьих шаек. В Сербии он был арестован по доносу познакомившейся с ним девушки — тайного агента местной охранки. В Турции он едва освободился от захвативших его в плен арабов, которые решили, что он „богатый путешественник“ и потребовали с него большого выкупа. В Польше и Финляндии его уверяли, что в СССР ему снимут голову, как шпиону. Но Бехль заявил, что единственное, чего он боится в СССР — это морозы. По словам Бехля, он нашел в Ленинграде гораздо более дружеский прием, чем в Западной Европе, где ему не раз приходилось спать на улице.

Дальнейший маршрут Бехля: Москва — Баку — Персия — Китай — Япония и, наконец, Канада, где, в случае благополучного окончания путешествия, он получит спортивную премию в 13.000 долларов.

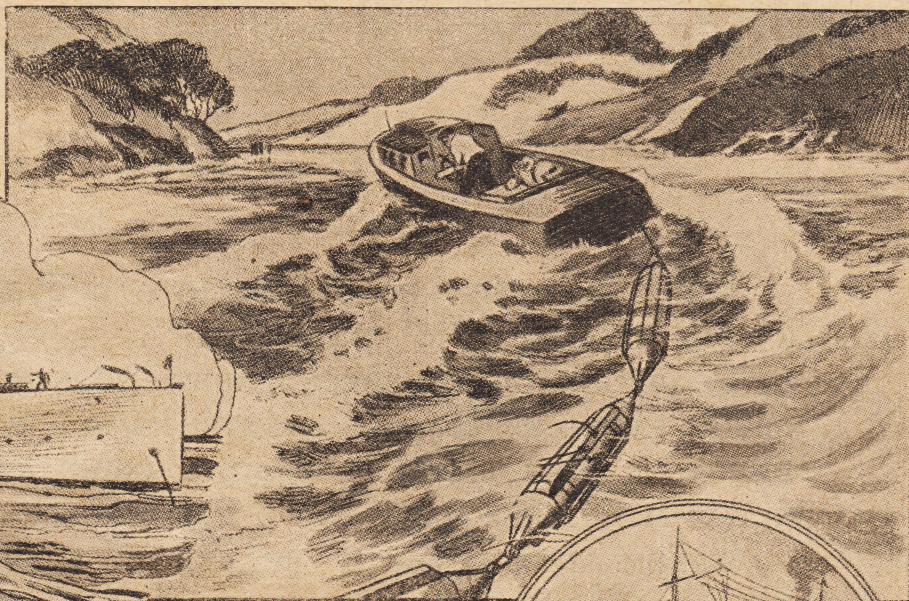
Бехль питается и путешествует на деньги выручаемые от продажи своих карточек.

Уловки „спиртных“ контрабандистов в Соединенных Штатах Америки.

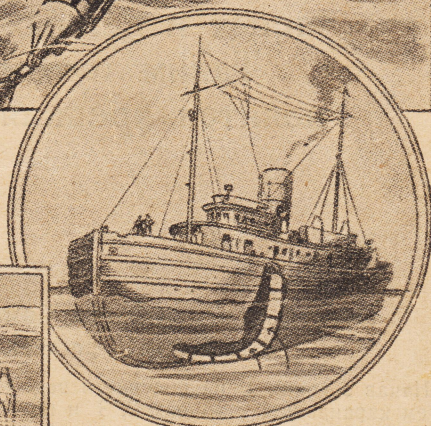
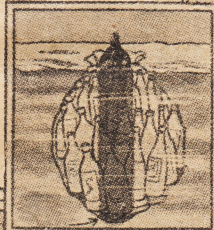
Америка — „сухая“ страна, спиртные напитки там воспрещены, но тем не менее выпить всем удастся.

Ловкие контрабандисты прячут спирт и разные вина в фальшивой паровой тропе, чтобы их перегрузить затем в быстроходные катера, которые со всеми предосторожностями направляются уже к берегу.

Быстроходный катер тащит за собой целый ряд сцепленных между собою „спиртных“ толет, которые снабжены особыми воздушными камерами, чтобы держаться под водой на определенном уровне.

Одним из излюбленных приемов — пустить на волю ветра и течения бутылкообразный бакен или буй, чтобы выловить его позднее, когда берег будет „чист“.

Чтобы обслужить не одну сотню любителей выпить, особенно под Новый год, за обшивкой морского грузового парохода устраивается особое помещение, которое способно вместить целый винный погреб.

Специальная подводная лодка опускается или поднимается в зависимости от сжатия в особых камерах воздуха, который накачивается через особый рукав тем пароходом, который другим тросом тащит ее за своей кормой.

Кто мог бы заподозрить простую рыбацкую шкуну, занятую своим делом, что вылавливанием умышленно затопленных спиртных мешков она интересуется больше, чем рыбой в своих сетях.

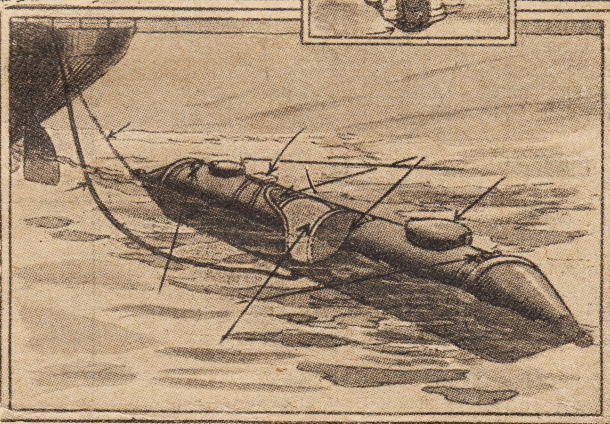
Под покровом густых туманов, к американским берегам направляется множество грузовых судов. Экипаж этих судов не любит лишних встреч и стороннего глаза. У морских спиртовозов и так много врагов. Они должны пробираться сквозь всевозможные заграждения, которые тавит на их пути сильная власть государства.

Как часто экипаж этих контрабандных судов уже чувствовал в своих пальцах шелест американских долларов, которые в конце концов из рук ускользали.

Бум! Раздается выстрел среди густого тумана. Экипаж преследуемого судна всячески старается закрыться туманной пеленой, но второй выстрел обычно заставляет остановить машину.

Тогда начинается длительный осмотр подозрительного для береговых властей судна. Ни один уголок не остается без тщательного осмотра, заглядывают в каждую щель, все обшаривают и даже выстукивают.

Наши рисунки показывают, что такой внимательный осмотр далеко не простая формальность одна только при-

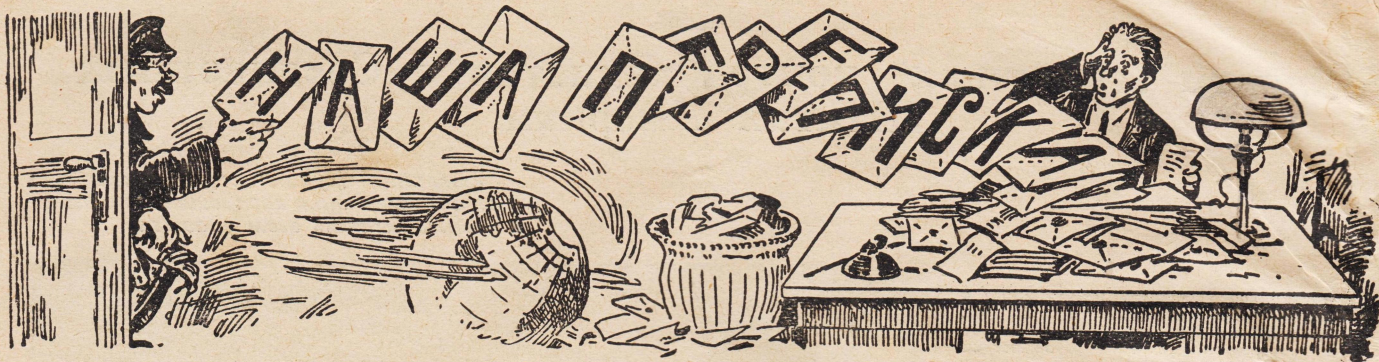

в своем деле. Остроумные в своих уловках и быстрые в своей работе, эти опытные моряки часто проводят за нос подозрительную береговую стражу.

Промысел опасный, но крайне выгодный. Так, напр., одной английской шкуне „Рози“ удалось совершить целых семьдесят пять контрабандных поездок к берегам „сухой“ страны. В итоге она многократно покрыла всю свою стоимость.

Борьба ведется и до сих пор, но без особого успеха. Развивается взяточничество и морские спиртовозы начинают „увязываться“ с таможенными властями в общем интересе. Вот почему мы и услышали недавно от одного видного американского деятеля такой унылый вопрос: „Да стоит ли вести эту игру, которая выгодна только некоторым? Ведь пить продолжают все!“

дирчивость. Морские спиртовозы обнаруживают изумительную изобретательность

ОТ РЕДАКЦИИ

Мы открываем на этом месте с будущего номера „Нашу переписку с читателями“.

Редакция постарается давать возможно более точные и исчерпывающие ответы на все вопросы своего читателя. Она ждет от него, в свою очередь, постоянных и ценных указаний о всем содержании журнала.

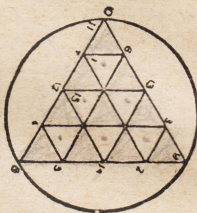
Таким путем между редакцией и читателем устанавливается крепкая и постоянная связь.

Ответы к испытаниям Сэма Ллойда.

Четырнадцать росчерков.

Начав с точки 1 на рисунке и ведя затем карандашом к точкам 2, 3 и последующим, можно вычертить всю фигуру в четырнадцать приемов, считая чертеж круга за один прием. Промежуток между точкой 1 и 15 вычерчен дважды, да и вообще вся непрерывная линия пересекает себя несколько раз, согласно условию. От точки 10 до 11 чертится круг.

Если решили задачу в 14 минут, то можете собой быть довольны.

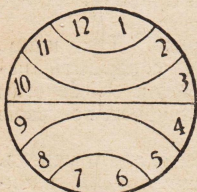

Ведерки с яйцами.

Торговец назначил к продаже ведро с 29 яйцами, так как у него останется тогда в остальных ведерках 60 яиц. Две трети этого количества составят 40; это число и должно обозначать куриные яйца. Эти 40 яиц находятся в ведерках, отмеченных 23, 12 и 5.

Если вам удалось с этой задачей справиться в 11 минут, то вы безусловно способны к быстрому умственному счету.

Расчленение циферблата.

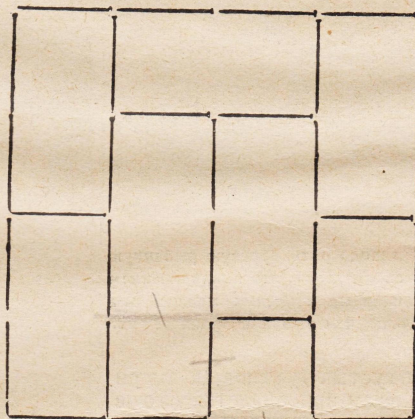

Здесь показано, как должен быть разделен циферблат на шесть частей, чтобы каждая из них содержала сумму 13. Если вы обладаете указанной здесь способностью, то справитесь с этой задачей в 4 минуты.

Составить предложение.

Ай да май! — таково предложение, которое может быть составлено из указанных в испытании букв. Задачу можно решить в 5 минут.

Уничтожить квадраты.

Удалить нужно 9 булавок, чтобы уничтожить любой квадрат. На решение дается 10 минут.

Расставить в порядке сандвичей.

Правильное чтение:

ПРОДАЖА
ОТКРЫТА.

Вы человек с живым воображением, если устранили здесь путаницу в 4 минуты.